

ЮКИО МИСИМА
Моряк, которого разлюбило море
Интеллектуальный бестселлер

Юкио Мисима — анфан-террибль японской литературы, безусловный мировой классик и писатель, в своем творчестве нисходящий в адские бездны и возносящийся на ангельские высоты. Самый знаменитый и читаемый в мире из японских авторов, прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе — более ста томов), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота в день публикации своего последнего романа).

«Моряк, которого разлюбило море» — это история любви моряка Рюдзи,

чувствующего, что в море его ждет особая судьба, и вдовы Фусако, хозяйки модной одежной лавки; однако развитый не по годам тринадцатилетний сын Фусако, Нобору, противится их союзу, опасаясь потерять привычную свободу...

Часть 1 Лето

Глава 1

Пожелав сыну спокойной ночи, мать заперла Нобору в спальне. А если в доме случится пожар? Мать, конечно же, клянется, что первым делом бросится отпирать его дверь. Интересно, что она скажет, если дверь перекосит от жара, или замочную скважину забьет гарью, или замок заклинит? Тогда ему придется прыгать в окно... Но ведь под окном его спальни — бетонная площадка, а второй этаж дома безнадежно высок.

Поделом ему. Запирать Нобору стали после того, как однажды ночью он сбежал, поддавшись на уговоры Главаря. Сколько его потом ни мучили расспросами, имени своего приятеля он так и не выдал.

За время оккупации их дом на холме Ятодзак — Иокогама, район Нака-ку, квартал Яматэ-тё, — выстроенный покойным отцом, был реквизирован для постоя офицеров чужой армии, его перестроили и установили туалеты даже в спальнях второго этажа. В общем-то, нынешнее заточение не причиняло Нобору неудобств, но для тринадцатилетнего подростка такое положение казалось довольно унижительным.

Однажды утром — он тогда был в доме один — Нобору с досады тщательно обследовал свою комнату.

Граничащая с маминой спальней стена представляла собой огромный встроенный комод. Когда, вымещая обиду, он вытащил из него все ящики и расшвырял по полу одежду, обнаружилось, что одна из ниш пропускает в комнату свет.

Сунув в нее голову, он стал искать источник света. Им оказалось яркое летнее солнце, отраженное от моря и наполнившее пустую соседнюю комнату.

Если хорошенько согнуться, можно устроиться в нише. Даже взрослый, если сожмется как следует, втиснется сюда по пояс.

Сквозь щель родительская спальня показалась Нобору совершенно незнакомой.

Слева у стены блестит латунью двуспальная кровать в новоорлеанском стиле, выписанная отцом из Америки, да так и оставшаяся после его смерти. Кровать аккуратно застелена белым ворсистым покрывалом с большим знаком «К» — фамилия у Нобору Курода. На покрывале валяется темно-синяя соломенная шляпа с длинной бирюзовой лентой. Голубой вентилятор на ночном столике. Справа у окна овальный трельяж — из-за небрежно прикрытых створок льдинкой торчит острый угол зеркала. На трельяже полно бутылочек с одеколоном, пульверизаторов для духов, а еще лиловая бутылка с лосьоном и сверкающая гранями шкатулка с пуховкой, из богемского стекла... Рядом, словно сухая ветка криптомерии, свернулись темно-коричневые кружевные перчатки.

У стены напротив трельяжа диван, торшер, два стула, изящный столик. К спинке дивана льнут пальцы с незаконченным вышиванием. Теперь это немодно, но мать любит всякое рукоделие. Узора отсюда почти не разглядеть, видно только вышитое наполовину крыло птицы, похоже разноцветного попугая, на серебристо-сером фоне. Тут же валяется чулок. Тонкий бежевый чулок, обвивающий дамасский плетеный диван, создает в комнате странно тревожную атмосферу. Наверняка перед выходом мать заметила на чулке стрелку и наспех переделалась.

В окне только яркое небо и облако, отражающее море и из-за этого кажущееся тугим и глянцевым, будто покрытым эмалью.

Помещение, которое разглядывал сейчас Нобору, ничем не походило на привычную

мамину спальню. Казалось, он подглядывает в комнату отлучившейся незнакомки. В комнате безупречной женственностью дышит каждый уголок. В воздухе витает отзвук печального аромата.

Внезапно Нобору посетила странная мысль.

А каким образом возникла эта щель? Сама по себе, или же в доме, где еще недавно стояли на постое оккупанты...

Нобору вдруг представил, что в пыльной нише, где сейчас скорчился он сам, устроилась, скрючившись, фигура солдата. При мысли об этом воздух в тесном пространстве резко сделался кисло-сладким и едва выносимым.

Извиваясь, Нобору задом выбрался наружу и бросился в соседнюю комнату.

Никогда он не забудет того странного чувства.

Помещение, куда он ворвался, совершенно не походило на виденную им загадочную комнату — перед ним была привычная и скучная спальня, вновь превратившаяся в место, где вечерами мать, отложив вышивание и позевывая, помогала ему с домашним заданием. Где она ворчала и жаловалась и где выговаривала ему за вечно криво повязанный галстук. Где внушала ему, что хватит постоянно бегать в мамину спальню якобы взглянуть на кораблики — он ведь уже не ребенок. Где сверяла принесенную из магазина бухгалтерскую ведомость или, подперев щеку, подолгу сидела над таможенными декларациями.

Нобору исследовал щель с этой стороны.

Сразу и не найдешь.

Если хорошенько приглядеться, то там, где по верху деревянной облицовочной панели бежит бордюр со старинной тонкой резьбой, в одном из фрагментов резьбы, среди набегающих друг на друга волн, ловко прячется щель.

Так же стремительно вернувшись в свою комнату, он тщательно свернул и запихал на место разбросанную одежду, аккуратно задвинул ящики и мысленно поклялся не делать в дальнейшем ничего такого, что могло бы привлечь к комоду внимание взрослых.

С тех пор как Нобору обнаружил щель, он — как правило, в те вечера, когда мать особенно к нему придиралась, — едва за ней поворачивался ключ, беззвучно выдвигал ящик и подолгу глядел, как она собирается ко сну. В те вечера, когда она бывала с ним добра, он никогда не подглядывал.

Нобору узнал, что перед сном мать всегда раздевается догола, даже если не так уж и жарко. Большое зеркало находилось в скрытом от его глаз углу комнаты, и, если голая мать подходила к зеркалу слишком близко, подглядывать за ней становилось трудно.

Тело тридцатитрехлетней женщины, регулярно посещавшей теннисный клуб, было все еще стройным и красивым. Обычно перед сном она с головы до ног натиралась духами, а иногда усаживалась на пол перед зеркалом и, уставившись в него рассеянным взглядом, сидела неподвижно, распространяя вокруг аромат духов, такой сильный, что слышно было даже Нобору. В такие моменты Нобору холодел, принимая за кровь алый лак ее ногтей.

Впервые в жизни он так внимательно рассматривал женское тело.

Плечи спускались плавной береговой излучиной, шею и руки покрывал легкий загар, а от основания груди начинались словно светящиеся изнутри белые плодородные поля теплой плоти. Мягкий скос, достигая груди, резко вздымался. Если помять его руками, пурпурные соски поднимались навстречу друг другу. Чуть заметно дышащий живот. Растяжки. О них Нобору вычитал в пыльном красном томе, стоящем на высокой — не дотянуться — полке в отцовской библиотеке.

А потом Нобору увидел и те черные земли. Их никак не получалось рассмотреть, у него даже глаза разболелись от напряжения... Он припомнил множество скабрёзных слов, но и с помощью слов ему никак не удавалось проникнуть воображением в темные заросли.

Наверно, его приятели правы и там ничего нет. Просто — дыра в теле. Ничего, кроме пустоты. Интересно, она как-нибудь связана с пустотой его собственного мира?

В свои тринадцать Нобору был уверен, что умен и талантлив (как верили в это все его

приятели); что мир — это набор простых правил; что с самого рождения смерть прорастает в человеке корнями и ему ничего не остается, кроме как холить ее и лелеять; что размножение недостойно внимания, а значит, и общество, окутавшее обычную функцию организма такой тайной, — тоже; что отцы и учителя совершают громадное преступление уже тем, что являются отцами и учителями. И значит, смерть отца — Нобору тогда было восемь лет — была событием скорее радостным, чем печальным.

Лунной ночью обнаженная мать, погасив ночник, стояла перед зеркалом! Ощущение пустоты в ту ночь лишило Нобору сна. В мягком лунном свете мир предстал в своей истине — в своей пустоте¹.

«Если бы только я был амебой... — думал он, — мельчайший организм наверняка в состоянии одолеть окружающий морок. А человеческий — ни то ни се, ничего одолеть не может».

По ночам в открытое окно залетал пароходный гудок. В те вечера, когда мать бывала с ним ласкова, Нобору мог спать, не подглядывая. И тогда он видел сны.

Нобору гордился своим твердым характером и даже во сне не плакал. Сердце у него было твердое, как большой железный якорь, который в любую минуту готов был хладнокровно погрузиться на самое дно, в портовую грязь, залежи битых бутылок, резины и старых башмаков, красных беззубых гребенок и железных пивных крышек... Он мечтал, что однажды вытатуирует якорь на своем сердце.

Как-то в конце летних каникул настала ночь, когда мать была с ним особенно строга.

Настала внезапно, без предчувствий.

Матери с вечера не было дома. Она сказала, что в знак благодарности пригласит на ужин Цукадзаки — второго помощника, который вчера любезно показал Нобору судно. Перед выходом мать, в черном кружевном платье, надетом на карминно-красное белье и повязанном белым шифоновым поясом, выглядела просто прекрасной.

Около десяти вечера она вернулась вместе с Цукадзаки. Нобору встретил их и слушал в гостинной морские рассказы подвыпившего помощника. В пол-одиннадцатого мать отправила Нобору спать. Проводила до двери и заперла на ключ.

Ночь выдалась нестерпимо душной. В нише комода воздух был спертый, и Нобору терпеливо выжидал возле комода, в любую секунду готовый прильнуть к щели. Было далеко за полночь, когда на лестнице раздались долгожданные шаги. Ручка его двери зловеще повернулась в темноте — похоже, кто-то желал убедиться, что дверь заперта. Раньше такого не случалось. Наконец стукнула дверь спальни. Взмокший, Нобору втиснулся в нишу.

В одной из стеклянных створок распахнутого окна отражался свет переместившейся к югу луны. Второй помощник расстегивал на груди рубашку, прислонясь к подоконнику. Нобору видел спину приблизившейся к нему матери, они слились в долгом поцелуе.

Наконец мать, тронув пуговицы на его рубашке и что-то хрипло пробормотав, зажгла тусклый торшер и попятилась в сторону Нобору. Она разделась перед дверцей гардероба, в невидимом его глазу углу комнаты. Грозной змеей просвистел развязываемый пояс, прошуршало, падая, платье. Неожиданно из щели потянуло мамиными любимыми духами. Нобору не предполагал, что этот аромат может быть таким резким и сильным.

Второй помощник, стоя у окна, внимательно смотрел в его сторону. Глаза блестели на смуглом лице в свете торшера.

Соизмерив торшер с собственным ростом, Нобору прикинул рост второго помощника. Явно ниже ста семидесяти. Сто шестьдесят пять, может, чуть выше. Не очень-то крупный мужчина.

Медленно расстегнув пуговицы, Цукадзаки небрежно скинул рубашку.

¹ Автор, вероятно, намекает на «Сутру Сердца Праджня-Парамиты» — «Праджня-парамита-хридая-сутра» (яп. «Ханья харамитта сингё») о пустотности всех элементов бытия и веры в возможность непосредственного постижения бодхисатвой истинной реальности «пустоты» как она есть. (Прим. ред.)

Почти ровесник матери, он выглядел гораздо моложе и крепче сухопутных мужчин, словно отлитый по судовой матрице. Широкие плечи, квадратные, словно крыша буддийского храма, рельефная волосатая грудь, мускулы, похожие на мотки сизальского троса, — казалось, тело его одето в доспехи из мышц, которые он с легкостью скинет в любую секунду. Наконец Нобору изумленно увидел простирающуюся сквозь густые заросли волос внизу живота, гордо вздымающуюся глянцевую пагоду.

На мощной грудной клетке, подсвеченной тусклым лунным сиянием, четко угадывалось дыхание волосков, рассеивающих причудливые тени. Опасно поблескивающие глаза неотрывно следили за женщиной. Отраженный уличный свет из-за спины ровным золотым окаемом ложился на квадратные плечи, на массивной шее вздувались артерии.

Мама раздевалась долго. Или, может, она специально тянула время.

Внезапно во всю ширину распахнутого окна прозвучал пароходный гудок и заполнил сумрачную комнату. То был крик самого моря, исполненный огромной, не знающей меры, темной навязчивой тоски, до краев загруженный всей страстью черного и гладкого, как китовая спина, океанского течения, памятью сотен тысяч морских походов, восторгов и побед. Пароходный гудок вторгся в стены дома, полный ночного безумия, густой, как черный нектар морских пучин.

Второй помощник резко обернулся и вгляделся в море...

В этот миг Нобору почувствовал, как ему открылось нечто, с самого рождения скрытое в его душе и теперь позволившее ему стать свидетелем свершающегося чуда.

До пароходного гудка он не мог сложить вместе детали неясной картины. Все было готово — баночки с цветной краской ждали своей очереди, — не хватало лишь избытка силы, которая вмиг позволит изображению проявиться на бумажном свитке.

Словно взмах кисти, пароходный гудок придал картине завершенность!

Все и правда было готово — луна, теплый соленый ветер, запах пота, аромат духов, обнаженные тела мужчины и женщины, след на воде от корабля, след в памяти от чужеземных портов, удушливая узкая щель, твердое мальчишечье сердце...

Но пока это были отдельные листочки «карута»², не несущие особого смысла. Благодаря пароходному гудку карты вмиг уловили космические связи, наметав неотвратимый круг, в котором соединились он и мать, мать и мужчина, мужчина и море, море и он.

Нобору едва не лишился чувств от духоты и блаженства. Только что на его глазах переплелись тонкие нити, создав священный образ. Их нельзя рвать. Возможно, их создал он сам, тринадцатилетний мальчишка.

«Их нельзя рвать. Если они порвутся, миру конец. Я пойду на все, лишь бы этого не случилось», — думал Нобору, засыпая.

Глава 2

Рюдзи Цукадзаки удивился, проснувшись на незнакомой кровати с латунной спинкой. Соседняя половина пустовала. Постепенно он вспомнил, как, засыпая, женщина говорила, что утром ей надо рано разбудить ребенка. Тот едет в гости к другу в Камакура. Обещала, что проводит сына и сразу вернется домой, а до этого момента просила его вести себя тихо.

Он нащупал часы на ночном столике, повернулся к проникавшему сквозь неплотно прикрытые жалюзи свету, чтобы узнать время. Десять минут девятого. Нобору явно еще не уехал.

Он спал около четырех часов. По чистой случайности лег в то же время, что и обычно после ночной вахты.

² Карута — название карт в одноименной японской игре, где игроки должны правильно соединить друг с другом карты с написанными на них частями стихов. (Здесь и далее прим. перев.)

Несмотря на короткий сон, взгляд его был бодр, а в теле гибкой пружиной выгнулось все наслаждение прошлой ночи. Потянувшись и скрестив перед собой руки, он с удовольствием рассматривал жесткие волоски на руках, позолоченные пробивающимися сквозь шторы лучами.

Даже в этот ранний час было невыносимо жарко. Штора без малейшего движения повисла на распахнутом окне. Рюдзи потянулся и кончиком пальца нажал кнопку вентилятора на ночном столике.

— Второй офицер, до вахты пятнадцать минут. — Во сне он явственно слышал зов рулевого.

День за днем с полудня до четырех дня и с двенадцати ночи до четырех утра второй помощник стоял на вахте. Море и звезды — вот и все, что он видел в эти часы.

На сухогрузе «Лоян» Рюдзи считали странным и нелюдимым парнем. Он не любил болтовню — единственную отраду моряка, на морском языке это называлось «травить байки». Разговоры о женщинах и прочее бахвальство... Терпеть не мог житейский треп, призванный согреть их одиночество в море.

Обычно в моряки идут от любви к странствиям, но Рюдзи привела на флот скорее ненависть к суше. Его первая навигация после мореходки совпала с отменой оккупационного запрета на заграничные рейсы, и первые послевоенные суда пошли в Тайвань и Гонконг, Индию и Пакистан.

Тропические пейзажи наполняли сердце радостью. Стоило судну пристать к берегу, как малолетние аборигены тащили связки бананов, папай, ананасов, приносили ярких птичек и обезьянок, чтобы обменять на нейлоновые носки и часы. Он любил отражающиеся в грязной речке кариоты³. Может, его прошлая жизнь прошла среди пальм, потому его к ним и тянет?

Между тем по прошествии нескольких лет чужестранные пейзажи совершенно перестали трогать его сердце.

У него сформировался странный характер человека, не принадлежащего по-настоящему ни суше, ни морю. Возможно, моряку как раз и стоит постоянно находиться на берегу. Ведь вдали от него, в долгом плавании, хочешь ты того или нет, суша начинает являться во сне. Есть некая странность в том, чтобы грезить землей, особенно, если ты к ней равнодушен.

Рюдзи ненавидел берег, его неизменный облик. Судно тоже было тюрьмой, но иного рода.

Двадцатилетний, он пылко рассуждал: «Слава! Слава! Слава! Лишь для нее я явился на свет», — при этом совершенно не представляя, какого рода славы он жаждет. Просто верил, что где-то посреди мировой тьмы есть единственный луч, лишь для него предназначенный и его одного готовый освещать.

Чем больше он размышлял, тем явственнее понимал, что для собственной славы необходимо перевернуть мир. Мировой переворот или слава — третьего не дано. Он жаждал бури. Между тем судовая жизнь научила его только упорядоченности законов природы и остойчивости качающегося мира.

Следуя морской традиции крест-накрест зачеркивать дни на каютном календаре, он день за днем подвергал ревизии свои желания и мечты, вычеркивая их одно за другим.

И только во время ночных вахт, вдали, за темными волнами, среди просторов гладкой, наполненной мраком воды, Рюдзи до сих пор иногда чудилась его слава — она надвигалась украдкой и сверкала, словно светлячки в темноте, с единственной целью высветить его бравый силуэт в мире людей.

В такие моменты, стоя в белой рулевой рубке в окружении штурвала, радара, переговорной трубы, магнитного компаса и свисающей с потолка золотистой рынды, он чувствовал уверенность: «У меня, должно быть, своя, особенная судьба. Блистательная,

³ Кариота — род растений семейства пальм.

неповторимая, недоступная обычным парням».

Еще Рюдзи нравились модные шлягеры, он брал в море записи новых мелодий и за время рейса выучивал наизусть, мурлыча под нос в перерывах между вахтами и мгновенно замолкая при чем-либо приближении. Он любил матросские песни (которые так презирают гордые моряки), особенно ему нравилась «Не брошу я долю морскую»:

Гудок прозвучал, обрублен канат,
С причалом прощается судно,
И глядя, как город тает вдали,
Бывалый моряк украдкой смахнет слезу.

После окончания дневной вахты и до самого ужина Рюдзи в одиночку запирался в пронизанной закатными лучами каюте и раз за разом потихоньку крутил эту запись. Потихоньку, потому что не хотел, чтобы другие офицеры, заслышав музыку у него в каюте, зашли травить свои морские байки. Все это знали и не ходили к нему.

Случалось, слушая эту песню или напевая ее, Рюдзи пускал слезу. Странно, что слова про «тающий вдали город» вызывали у него такую сентиментальную реакцию — у него ведь и родни-то никакой не было, но слезы все текли и текли из какого-то неподконтрольного ему уголка души, даже сейчас, несмотря на прожитые годы, заброшенного им, дальнего, темного, слабого.

Забавно, что слезы никогда не наворачивались у него при виде реально удаляющегося берега. Он презрительно наблюдал за тем, как медленно отступают причал, верфь, грузовые стрелы, крыши складов. За десятки лет обжигающее чувство утраты при команде «Поднять якорь!» притупилось. Единственными его приобретениями стали загар и острое зрение.

Он стоял вахту, засыпал, просыпался, стоял вахту и снова засыпал. Из-за стремления как можно больше времени проводить в одиночестве в душе его копились чувства, а на банковском счете — деньги. Чем успешнее он определял координаты по звездам, овладевал искусством укладывания канатов и повседневными палубными работами, учился в шуме ночного моря на слух улавливать биение волн, привыкал к блестящим тропическим тучам и разноцветному коралловому морю, тем больше нулей становилось на его счете, пока наконец они не сложились в немыслимую для второго помощника сумму в два миллиона иен.

Когда-то и Рюдзи знал радость транжирства. Девственность он потерял во время первого рейса в Гонконге — старший товарищ привел его к женщине-танка... ⁴

Вентилятор гонял сигаретный дым над латунной кроватью. Рюдзи медленно сузил зрачки, словно прикидывал на весах разницу в качестве недавнего ночного блаженства и того жалкого первого наслаждения.

В памяти возник темный причал Гонконга, мутная тяжесть лижущей пристань воды, тусклый свет множества сампанов⁵.

Окна гонконгских кварталов и написанные на китайском неоновые вывески «Кока-кола» светились вдали за бесчисленными мачтами суденышек танка и свернутыми парусами из циновки, тесня скудный свет и раскрашивая черную воду в цвета далекого неона.

Сампан немолодой женщины, в который сели Рюдзи с товарищем, скользил по тесной

⁴ Танка (или даньцзя) — народность в Гонконге, живущая на пришвартованных в гавани джонках и сампанах.

⁵ Сампан — дощатая плоскодонная лодка.

акватории, беззвучно подгоняемый веслами. Наконец они оказались в средоточии мерцающих на воде огней, в глаза бросилась ярко освещенная полоса женских каморок.

Пришвартованные борт к борту лодки с трех сторон обрамляли внутренний водный дворик. На повернутых к ним кормах сампанов торчали красные и зеленые бумажные флаги, дымились благовония. Под полусферой навеса натянута цветастая материя. За ней — обязательный обитый той же тканью подиум с прислоненным к нему зеркалом, в глубине которого зыбко дрожит отражение их сампана.

Женские лица выражали нарочитую невинность, одни женщины зябли от холода и едва приподнимали с матрасов головы с мучнистыми и гладкими, как у кукол, шеями, другие, до колен укутавшись в одеяла, раскладывали пасьянсы. В тонких желтых пальцах мелькали красные рубашки карт.

— Какую выбираешь? Тут все молодые, — обратился к нему товарищ.

Рюдзи молчал.

Он испытал странную усталость и растерянность при мысли о том, что женщина, выбранная им впервые в жизни, дрейфует в стоячей гонконгской воде в отражении тусклых огней, и что ради этого мгновения он прошел по морю 1600 миль. Между тем женщины и впрямь были молодые и хорошенькие. Он выбрал прежде, чем товарищ успел сделать это за него.

Когда он пересаживался на одну из лодок, щетина на его подбородке встопорчилась от холода, а молчавшая до этого проститутка счастливо засмеялась. Рюдзи почувствовал, что привез с собой «счастье». Женщина задернула цветастую штору, загородив вход.

Все происходило безмолвно. Он слегка дрогнул от тщеславия, как при первом подъеме на мачту... Нижняя половина женского тела вяло двигалась в одеяле, словно полусонный зверек в спячке, а Рюдзи на верхушке ночной мачты чувствовал опасно дрожащие звезды. Звезды оказывались то с юга от мачты, то с севера. Иногда даже с востока. Наконец ему показалось, что мачта вот-вот упрется в звездное небо... Едва Рюдзи отчетливо подумал, что вот — он теперь наконец-то узнал женщину, как все уже закончилось.

В дверь постучали, и Фусако Курода внесла поднос с обильным завтраком.

— Прости, задержалась. Нобору только что уехал.

Фусако поставила поднос на изящный столик у окна и до конца отдернула штору.

— Ни облачка. Наверное, сегодня опять будет жара.

Все вокруг, даже тень от подоконника, плавилось словно битум. Рюдзи Цукадзаки уселся в кровати, обернув поясницу мятой простыней. Фусако была уже тщательно одета, и ее руки, теперь обнаженные не для объятий, плавными движениями разливающие утренний кофе, производили странное впечатление. Это были совсем другие, не ночные руки.

Рюдзи притянул Фусако к себе и поцеловал. Тонкая кожа век в подробностях выдавала каждое движение ее глаз, и даже под закрытыми веками Рюдзи видел, что этим утром она пребывает в спокойном настроении.

— Во сколько тебе в магазин?

— В одиннадцать надо быть там. А ты?

— Думаю ненадолго показаться на судне.

Они демонстрировали друг другу легкое смущение от их нового, сложившегося за один вечер статуса — единственное правило приличий, соблюдаемое ими сейчас.

На ее ясном лице отражалось множество эмоций. Воскрешение. И полное забвение. И беспрестанная попытка доказать себе, что случившееся ни в коем случае не «ошибка».

— Поешь здесь? — Фусако двинулась к дивану.

Рюдзи вскочил, в беспорядке натянул на себя что попало под руку. Фусако смотрела из окна на порт.

— Вот бы отсюда видно было твой корабль!

— Он на дальнем причале, за городом.

Обняв женщину сзади, он обвел взглядом портовый пейзаж.

Внизу простирались красные складские крыши, на северном причале у подножия гор шло строительство современных складов, напоминающих железобетонные коробки. Канал был усеян лихтеровозами и паромами для переправы, за складскими корпусами тянулся склад лесоматериалов. Бревна отсюда казались не больше карандашей.

На громадной наковальне порта тонким металлическим листом сиял утренний летний свет.

Сквозь голубую хлопковую ткань Рюдзи нащупал ее грудь. Женщина чуть откинулась назад, легонько щекоча волосами кончик его носа. Он снова подумал об этом чувстве: из дальней дали, с другого конца света, наконец добираешься до ощущения тепла на кончиках пальцев.

Комната наполнилась ароматом кофе и апельсинового джема.

— Кажется, Нобору что-то почувствовал. Но ты вроде бы нравишься мальчику, так что ничего страшного... И все-таки, как такое могло случиться?! Невероятно, — промолвила Фусако с преувеличенным безразличием в голосе.

Глава 3

После смерти мужа Фусако взяла на себя управление магазином импортных товаров «Рекс», известным всему Мотомати⁶ многолетней репутацией. Небольшое и уютное двухэтажное здание европейской архитектуры сразу приковывало взгляд. Сквозь массивные белые стены прорывались стрельчатые окна, магазин смотрелся сдержанно и со вкусом. В центре выложенного испанской плиткой небольшого патио с двухэтажным пролетом бил фонтан. Рядом бронзовый Бахус — ценнейший экспонат не для продажи — запросто перекинул через локоть узкие галстуки. В магазине вообще была большая коллекция антиквариата, собранная еще мужем Фусако.

Здесь трудились пожилой управляющий и четыре продавца. Среди клиентов были иностранцы с Яматэ-тё⁷ и из Токио, а также многочисленные щеголи и киноактеры. Даже торговцы с Гиндзы⁸ наведывались поохотиться. Подход «Рекса» к оценке и отбору товара за долгие годы заслужил всеобщее доверие. Среди ассортимента было много товаров для мужчин, и Фусако вместе со стариком-управляющим, унаследовавшим вкус ее мужа, относилась к закупкам самым тщательным образом.

Как только в порт заходило судно, они, заручившись протекцией агентов — фрахтовых брокеров, знавших еще ее покойного супруга, еле дожидались окончания разгрузки и спешили на таможенный склад смотреть товар. Превыше всего Фусако ценила фирменные вещи: так, например, заказывая свитера от «Джаггер», она брала полпартии очень дорогих свитеров и полпартии — подешевле, тем самым добиваясь «вилки» в цене. Итальянская кожа была представлена не только элитным товаром с Виа Деи Кондотти — у них также был заключен эксклюзивный договор с кожевенным училищем при церкви Святого Креста во Флоренции.

Сама Фусако не могла оставить сына, чтобы съездить за границу, и в прошлом году отправила в Европу старика управляющего. В результате у них повсюду появились связи. Управляющий был из породы мужчин, для которых щегольство составляет смысл жизни. В «Рексе» продавались даже английские лосины, которых и на Гиндзе было не найти.

⁶ Мотомати — квартал в районе Нака-ку, Иокогама, состоящий преимущественно из одноименной торговой улицы.

⁷ Яматэ-тё — традиционно населенный иностранцами квартал, куда многие иностранные торговцы переехали с открытием порта Иокогама в 1859 г.

⁸ Гиндза — главная торговая улица Японии в Токио.

В обычное время Фусако отправилась в магазин. Ответила на приветствие управляющего и продавцов. Задав пару рабочих вопросов, поднялась в офис на втором этаже, просмотрела корреспонденцию. Между оконных рам тихо урчал кондиционер.

Оказавшись в привычное время за рабочим столом, Фусако успокоилась. Так и должно быть, и никак иначе. Что станет с ней в будущем, не явись она сегодня в магазин?

Она достала из сумочки дамские сигареты, закурив, бросила взгляд на настольный ежедневник. В обеденный перерыв зайдет за серьезными покупками киноактриса Ёрико Касуга — у нее сегодня натурные съемки в Иокогаме. Ёрико ездила на зарубежный кинофестиваль, но задумала провести знакомых, купив им подарки в «Рексе». Она звонила, просила подготовить двадцать мужских комплектов из любых сувениров французского производства. Затем за итальянскими рубашками для гольфа заглянет вместо босса секретарь директора складов в Иокогаме. Эти были завсегдатаями, покупали, так сказать, «вслепую».

Нижний этаж патио хорошо просматривался сквозь узкие жалюзи, сейчас там стояла тишина. Поблескивали листья гевей. Похоже, посетителей не было.

Фусако боялась, как бы управляющий Сибуя не заметил ее сияющих глаз. Старик смотрит на женщин, словно придирчиво вертит в руках полотно. Как если бы он был ее мужем.

Со смерти супруга минуло пять лет, впервые сосчитала Фусако сегодня утром. Все это время она и не замечала, как бегут месяцы и годы, и только сегодня эти пять лет показались вдруг головокружительно длинными, как белый пояс от платья, что бесконечно тянется в руках.

Фусако затушила окуроч, с такой силой вдавив его в пепельницу, словно желала прожечь дно. Мужчина все еще гнезвился в закоулках ее тела. Непередаваемое ощущение собственной кожи, реагирующей на прикосновение ткани. Ее до сих пор не покидал запах мужского пота. В задумчивости Фусако сжимала и разжимала пальцы ног в туфлях на высоких каблуках...

С Рюдзи они познакомилась позавчера. Нобору бредил кораблями, и Фусако, уступив его нытью и вооружившись рекомендацией от высокого чина судоходной компании, своего постоянного клиента, отправилась на экскурсию по «Лояну». Сухогруз стоял на причале Е в терминале Такасима. Некоторое время они со стороны любовались сияющим на солнце «Лояном», выкрашенным в зеленый и кремовый цвета. Фусако укрылась от солнца под зонтом с длинной рукоятью из белой змеиной кожи.

— Смотри, в море тоже полно судов. Все они ждут очереди у причала! — воскликнул Нобору с видом знатока.

— А у нас из-за этого сплошные проблемы, груз задерживается, — вяло отреагировала Фусако — ей делалось жарко от одного только взгляда на судно.

Швартовочные тросы между судами перекрещивались, деля на отрезки небо с летними облаками. Нос судна, бесконечно высокий, похожий на запрокинутый в экстазе подбородок, венчался зеленым флагом судоходной компании. Якорь черным железным крабом взобрался под самый клюз⁹.

— Здорово! — шумно радовался Нобору. — Теперь я там в каждый уголок загляну.

— Не очень-то надейся — еще неизвестно, поможет ли наша рекомендация.

Оглядываясь теперь назад, Фусако понимала, что еще тогда, любуясь «Лояном» со стороны, почувствовала, будто душа пускается в пляс. «Да что же это? Что со мной такое? Как дитя». Это ощущение пришло к ней внезапно и беспричинно в самый разгар ее вялости, когда от жары лень было даже поднять глаза.

— Классное судно. — Нобору залпом вываливал свои познания на мать, ничуть не

⁹ Клюз — отверстие в борту, служащее для пропускания якорной цепи.

интересовавшуюся предметом.

По мере их приближения к «Лояну» судно поднималось и росло прямо на глазах подобно гигантскому незатухающему аккорду. Нобору взобрался по серебристо поблескивающему трапу.

Фусако с рекомендательным письмом на имя капитана тщетно бродила по коридору мимо дверей офицерских кают.

В трюме шумела погрузка, а в душном коридоре стояла зловещая тишина.

В этот момент из-за двери с табличкой «Второй помощник» появился Цукадзаки в белой рубашке с короткими рукавами и форменной фуражке.

— Капитан на месте?

— Отсутствует. Что вы хотели?

Фусако подала рекомендательное письмо, а Нобору с восторгом уставился на Цукадзаки.

— Ясно. Экскурсия, значит. Я вас проведу вместо капитана, — Цукадзаки враждебно взглянул на Фусако.

Это была их первая встреча. Фусако хорошо запомнила глаза Рюдзи в тот момент. Внимательный взгляд на смуглом недовольном лице человека, у которого, что называется, накопилось в душе. Взгляд такой, как если бы Фусако была возникшим на горизонте судном. Во всяком случае, у нее возникло именно такое ощущение. Взгляд, слишком острый и строгий для того, кто находится вблизи, неестественный, если только между ними не пролегла широкая морская гладь. Вот они какие, глаза, непрерывно глядящие в море. Появление незнакомого корабля несет тревогу и радость, вызывает осторожность и ожидание... Для того, на кого он направлен, взгляд этот может быть весьма неприятен, и только морским раздольем можно оправдать подобную неучтивость. Под этим взглядом Фусако почувствовала легкий трепет.

Сперва Цукадзаки повел их на капитанский мостик. С ботдека¹⁰ они поднялись на вторую палубу, яркие лучи послеполуденного летнего солнца наискосок перерезали металлический трап. Глядя на усеянный сухогрузами горизонт, Нобору снова заявил со знающим видом:

— Послушайте, а вон те суда ожидают очереди на рейде?

— Да ты знаток, парень! Точно, иной раз приходится ждать в море по несколько дней.

— А когда причал освобождается, объявляют по рации?

— Ага. Из офиса присылают радиogramму. У них там каждый день планерка насчет причала.

Фусако, взволнованная крепкой взмокшей спиной Цукадзаки, кое-где просвечивающей сквозь белую рубашку, была рада, что он занят ребенком. Она почувствовала неловкость, когда, обернувшись и взглянув на нее, он спросил Нобору с серьезным видом:

— Все-то ты знаешь, парень. Моряком хочешь стать? — Еще один серьезный взгляд в сторону Фусако.

Она так и не поняла, гордится ли своей профессией этот мужчина, казавшийся таким наивным. Фусако как раз задумалась об этом, прячась под зонтом и щурясь от солнца, когда ей показалось, что в тени его ресниц она заметила нечто неожиданное. То, чего уже давно не видела в мужских лицах.

— Лучше не стоит. На редкость дурацкая работа... Ну а это, парень, секстан. — Не дожидаясь реакции Фусако, он постучал по блестящему навигационному прибору.

В рулевой рубке Нобору непременно желал все потрогать: машинный телеграф, дистанционное управление авторулевого, экран радиолокатора, курсограф. За командами на машинном телеграфе — «стоп», «товсь», «вперед» — ему виделись встающие на пути судна различные опасности. В соседней штурманской рубке он таращился на полки с мореходными

¹⁰ Ботдек — шлюпочная палуба.

таблицами, морским астрономическим ежегодником, аэронавигационными картами, рассматривал свод правил навигации в японских портах и заливах, описание маяков, календарь приливов и отливов, лоции, разложенные карты со следами ластика. Словно кто-то забавы ради выполняет шуточную работу — произвольно чертит и стирает бесчисленные карандашные линии. Окончательно очаровали Нобору нарисованные в судовом журнале маленькие полукруглые солнца восхода и такие же, только перевернутые вверх тормашками полукружья заката; полумесяцы, обозначающие появление тонкого золотистого рожка, и полумесяцы, вывернутые наоборот; а еще плавные графики приливов и отливов.

Все это время, пока Нобору с головой погрузился в экскурсию, Цукадзаки стоял совсем близко от Фусако. От его жаркого присутствия в душной штурманской рубке сделалось трудно дышать, поэтому, когда прислоненный к столу зонт с белой рукояткой из змеиной кожи упал на пол, ей показалось, будто рухнула без чувств она сама.

Фусако тихо вскрикнула — зонт ударил ее по ноге.

Штурман тут же наклонился за зонтом. Фусако отметила, что он делает это очень-очень медленно, напоминая движениями водолаза. Наконец, подхватив зонт рукой, он медленно всплыл на поверхность со дна удушливого времени...

Управляющий Сibuя отодвинул жалюзи и, склонив набок испещренное морщинами жеманное лицо, произнес:

— Пришла госпожа Ёрико Касуга.

— Хорошо. Уже иду.

Фусако пожалела, что, застигнутая врасплох, ответила слишком поспешно.

Подойдя к зеркалу, тщательно взгляделась в свое лицо. Мысленно она все еще была в штурманской рубке.

На Ёрико, ожидавшей в патио в сопровождении помощницы, была громадная, похожая на подсолнух шляпа.

— Пусть мама-сан посмотрит. Надо ей показать...

Фусако терпеть не могла это прозвище, больше подходящее хозяйке питейного заведения. Медленно спустившись по лестнице, она остановилась напротив Ёрико.

— Милости прошу. Сегодня снова жарко.

Ёрико пожаловалась на убийственный зной и толпу народа на причале, где шли съемки. В этой толпе Фусако моментально представила Рюдзи, и у нее испортилось настроение.

— До обеда отсняли тридцать дублей. Просто поразительно, как быстро работает Кида.

— Удачно?

— Нисколько. По крайней мере, приз за актерское мастерство за это точно не дадут.

Последние несколько лет Ёрико бредила этим призом, и сегодняшние сувениры были «шагом» (в ее понимании) навстречу жюри. Ёрико склонна была доверять разного рода сплетням и скандалам (кроме тех, что касались ее) и серьезно подумывала, не отдалась ли ей поочередно всем членам комиссии, раз уж это так действенно.

Ёрико, статная красавица, самоотверженно тащившая на себе десятерых иждивенцев, была в то же время до чрезвычайности легковверной, и Фусако прекрасно знала, насколько она одинока. И все же, не будь она их клиенткой, хозяйка магазина едва ли поладила бы с ней.

Но у сегодняшней Фусако, пребывающей в замедленно-благодарном состоянии, явные недостатки Ёрико вызвали лишь чувство прохладного всепрощения, как при взгляде на плавающую в аквариуме золотую рыбку.

— Скоро осень, и я подумала, что хорошим подарком могли бы стать свитера, но, поскольку это сувениры якобы с летнего кинофестиваля, мы приготовили бархатный галстук от Кардена, четырехцветную шариковую ручку «Уотерман», рубашки-поло, ну а женам, пожалуй, духи. Давайте взглянем.

— У меня на это нет времени. Хочу еще успеть перекусить. Полностью на вас

полагаюсь. Главное — коробки и упаковка. Важно, чтобы все выглядело достоверно.

— За это можете не волноваться.

На смену Ёрико Касуга явилась секретарша директора складов Июкогамы, а после шли уже только обычные покупатели.

Фусако, как всегда, купила бутерброды и чай в немецкой кондитерской напротив и, вернувшись в офис, снова оказалась в одиночестве.

Подобно человеку, ныряющему в постель досмотреть прерванный сон, Фусако, повертевшись на стуле, с легкостью вернулась в позавчерашний день, на капитанский мостик «Лояна»...

В сопровождении Цукадзаки они наблюдали за разгрузкой. Спустившись на шлюпочную палубу, смотрели, как поднимают груз из четвертого трюма. Люки были сдвинуты, обнажив гигантскую темную пасть — словно земля разверзлась под ногами. Внизу мужчина в желтом шлеме вручную направлял лебедку, балансируя на выступе лючины.

Кое-где на дне сумрачного трюма тускло поблескивали крошечные фигурки голых до пояса портовых грузчиков. Подхваченный грузовой стрелой груз, покачиваясь, взмывал над трюмом и освещался солнцем. Солнечный свет моментально ломался на полосы, с невероятной быстротой скользившие тенями вдоль плывущего в небе груза, и вот, догнав проворное полосатое скольжение, сетка уже висит в небе над лихтером.

Мучительно долгая подготовка и мгновенный полет. Опасный серебристый блеск изношенного троса... Фусако наблюдала за всем этим из-под зонта.

Она физически ощущала, как после долгого раздумья и подготовки, раз за разом, легко подхваченный мощной стрелой, резко уносится тяжелый груз. Это чувство, когда казавшаяся неподъемной тяжесть вдруг воспаряет в небо, было ей хорошо знакомо. Обычная повседневная работа и вместе с тем — чудо... «Трюм пустеет», — подумала Фусако. Наполненное безжалостным движением лебедки время между тем казалось далеким и долгим, будто застывшим на ленивой жаре.

Кажется, именно тогда Фусако сказала:

— Спасибо, что уделите нам время. В знак признательности приглашаю вас завтра куда-нибудь на ужин, если вы свободны.

Тон ее вроде бы был сдержанным и светским, однако Цукадзаки наверняка расслышал в нем намек. В его взгляде читалось искреннее удивление.

Фусако вспомнился вчерашний ужин в отеле «Нью-Гранд», тогда еще просто вежливый ужин. Он ел, как и подобает офицеру, тщательно соблюдая этикет. Потом долгая прогулка. Он сказал, что проводит ее до дома, и они дошли до парка на холме Яматэ-тё, а потом, никак не решаясь расстаться, сидели на скамье, откуда виден был весь порт. Затем долго говорили. Говорили о разном. После смерти мужа она ни разу так долго не разговаривала с мужчиной...

Глава 4

Расставшись с Фусако и условившись встретиться вечером после закрытия магазина, Рюдзи вернулся на судно, но тут же вновь вызвал такси и отправился в опустевший от палящего летнего солнца город, взобрался на холм Яматэ-тё и, не придумав ничего лучшего, решил провести время во вчерашнем парке.

Днем здесь было безлюдно, фонтанчик с водой переполнился, окрасив брусчатку в черный цвет, на недавно подвязанных кипарисах стрекотали цикады, внизу с глухой тяжестью ревел порт. Дневной пейзаж Рюдзи заштриховывал вчерашними ночными воспоминаниями.

Он мысленно перебирал события прошлого вечера. Ворошил память снова и снова, пробовал на вкус.

Поддев ногтем кусочек горячей и сухой папиросной бумаги в уголке рта и не смахивая пота, Рюдзи в очередной раз подумал о том, какую ахинею он нес вчера.

Он и словом не обмолвился женщине о скрытых в его душе мечтах и тоске, о захватившей его, наполненной океанскими волнами гигантской темной страсти. Каждая попытка заговорить об этом заканчивалась неудачей. Если Рюдзи порой и считал себя неудачником, то в те мгновения, когда закат над прекрасным заливом окрашивал его грудь багрянцем, он был твердо убежден в собственной избранности. Вчера он даже об этой убежденности не смог вымолвить ни слова. Ему вспомнилось, как Фусако спросила:

— Почему вы не женаты?

Он с улыбкой ответил:

— Нет желающих идти за моряка.

Вообще-то он собирался ответить так:

— У всех моих сослуживцев уже по двое, по трое детей. Моряки по многу раз перечитывают письма из дома. В письмах детские рисунки — солнышко, цветочки... Эти парни отказались от своего счастья. Ну а я пусть и не делал ничего, для того чтобы обзавестись семьей, зато жил с мыслью, что я уникален. Ведь если ты мужчина, то однажды, когда в предрассветной тьме прозвучит одинокий прозрачный горн, низко опустятся густые облака и далекий твердый голос назовет твое имя, ты оставишь все и пойдешь навстречу своей судьбе... Пока я жил с этой мыслью, мне незаметно перевалило за тридцать.

Но ничего такого он не сказал. Отчасти потому что думал, что женщина его не поймет.

Не рассказал и про свой образ идеальной любви. Он считал, что на пути к лучшей в мире женщине — той, что встречается в жизни лишь раз, — непременно стоит смерть. Это она зовет и притягивает друг к другу ничего не подозревающих влюбленных. Со стороны это могло показаться слащаво и патетично, но он чувствовал, как в голове его переплелись и слились воедино темная страсть неодолимого морского течения, рев налетающего из океана цунами, крушение волн, что растут выше и выше и потом разбиваются о скалы...

Рюдзи думал о том, что эта женщина и есть та самая, единственная женщина. И не мог произнести этого вслух.

В своих мечтах, которыми он давно ни с кем не делился, он склонялся к крайней точке мужественности, не подозревая, что она находилась на пике женственности, и вот теперь они случайно встретились, спаянные смертью. В этой встрече не было ни тени дешевой дружбы, ни тени жалости. Они опускались на самое дно души, в гигантскую впадину, куда до сих пор не ступала нога человека.

Но... он не мог поделиться с Фусако даже толикой этих отдающих безумием мыслей. Вместо этого он сказал вот что:

— Случается, во время долгого рейса заглянешь на минутку на камбуз, мельком увидишь ботву редьки или тыквы. И она ножом входит в сердце. Чего греха таить, ты просто забыл, как мила тебе эта зелень...

— Да уж. Кажется, я вас понимаю, — любезно отозвалась Фусако. Она явно рада была возможности разделить точку зрения собеседника — женщины это обожают.

Взяв у Фусако веер, Рюдзи прогнал от ног комаров. Вдали мерцали бортовые огни стоящих в море судов, внизу в правильном порядке выстроились складские фонари.

Он снова было собрался говорить о диковинной страсти, хватающей человека за горло и гонящей туда, где и смерть не страшна, но вместо этого, хотя никто не тянул его за язык, выложил свою скудную биографию и сам прищелкнул зубами от досады.

Рассказал о том, как отец, чиновник районной администрации в Токио, после смерти матери один растил их с сестрой. О своем образовании, оплаченном мучительными сверхурочными и без того слабого здоровьем отца. О доме, сгоревшем во время воздушного налета, о том, как в конце войны умерла от сыпного тифа младшая сестра, и о том, как после войны он окончил мореходку и вот-вот должен был встать на ноги, когда внезапно умер отец. О том, что его воспоминания о сухопутной жизни были наполнены лишь бедностью, болезнями, смертью и нескончаемым военным пожарищем. О своей полной свободе от

земли... Обо всем этом он впервые подробно поведал незнакомой женщине.

В конце своей жалкой истории Рюдзи с гордостью припомнил нынешние накопления — показал себя самым обычным гордецом, отклонившись от рассказов о морской силе и морской щедрости, о которых так жаждал говорить еще минуту назад. В этом сполна проявилась другая, немного хвастливая, сторона его характера.

Рюдзи собирался говорить о море. Например, так:

— Только благодаря морю я понял, как важна любовь, даже если она дается ценою смерти. Когда ты заперт в железном корыте, море вокруг походит на женщину. Штиль, шторм, непостоянство и, конечно, красивая морская грудь, отражающая закатные лучи. Продвигающийся по морю корабль постоянно встречает сопротивление, а несметные толщи соленой воды не годятся для утоления жажды. В то время как стихия вокруг напоминает нам женщину, реальная женщина из плоти и крови от нас всегда далека... Так далека... Уж я-то это знаю.

Но вместо такого признания с его уст слетел лишь привычный куплет:

И глядя, как город тает вдали,
Бывалый моряк...

— Глупо, да? Самая моя любимая песня.

— Хорошая песня, — кивнула Фусако, а Рюдзи подумал: «Эта женщина не хочет ранить мою гордость — сделала вид, будто знает мотив, а сама явно слышит его впервые. Ей не разглядеть скрытых в песне моих чувств, моего волнения, изредка прорывающегося слезами, сумрачного дна моей мужской души. Что ж, буду видеть в ней только плоть».

Плоть, если приглядеться, была необычайно красивой и ароматной.

Черное кружевное платье поверх бордового белья, повязанное белым шифоновым поясом ручной работы, холодно мерцающее в полумраке белое лицо. Сквозь черное кружево кармин словно ржа разъедал окружающее пространство, с мягким очарованием сообщая, что перед ним женщина роскошная и изящная, какой до сих пор Рюдзи не встречал.

Каждое еле заметное движение вызывало колебание света ртутной лампы, и можно было почувствовать, как в складках белья, с быстротой калейдоскопа меняющего оттенки от бордового до пурпурного, внутри глубоких затемнений дышит другая складка. Ветерок, доносящий смесь аромата женских духов и близкой плоти, казалось, непрестанно твердит ему: «Умри! Умри! Умри!» Кончики тонких пальцев, совершающих незаметные движения, казались Рюдзи язычками огня.

Точеный нос, чувственные губы... Как игрок в го после долгого раздумья ставит наконец камень на доску, он черту за чертой выстраивал в туманном полумраке ее красивое лицо и любовался им.

Отчаянно холодный, распутный, спокойный взгляд. В этом взгляде полное безразличие к миру, и в нем же, стоит заглянуть поглубже, любовь до самоотречения... Этим взглядом Рюдзи грезил со вчерашнего дня, с того самого момента, как получил приглашение на ужин, этот взгляд лишил его сна.

И эти покатые плечи, береговой линией незаметно начинающиеся у шеи... Шелк спадал по ним, скользя.

«Когда я дотронуся до ее груди, — думал Рюдзи, — представляю, с какой тяжестью она ляжет мне в ладони. Я несу ответственность за всю ее плоть. Вся она исполнена мягкой ненавязчивой зависимости. Сладостное присутствие женщины заставляет меня трепетать. Словно ветер, выворачивающий наизнанку листья деревьев, мой трепет сообщится ей, и я увижу наконец, как она прикроет веками глаза».

Внезапно в голове возникло дурацкое воспоминание. Давний рассказ капитана о том, как однажды тот побывал в Венеции и был поражен, посетив во время прилива красивый

маленький дворец. Мраморный пол первого этажа был полностью затоплен водой...

Он ненароком рассказал ей о нем. О маленьком затопленном красивом дворце.

— Расскажи еще что-нибудь, — попросила Фусако.

Рюдзи знал, что после этой фразы ему следует, ни слова не говоря, прикоснуться к ее губам. Одно касание, и вот уже движения их губ в каждом прикосновении наполнены множеством неуловимых ощущений сладкой нежности. Шершавые ладони Рюдзи наяву гладили еще совсем недавно грезившиеся ему плечи, касались шелка, кожи...

Приблизившиеся к нему длинные прямые ресницы напоминали сложенные крылья мотылька. Рюдзи думал о том, какое это сумасшедшее счастье. Такое счастье, что не знаешь, как быть. Он едва подумал о том, что подбирающееся к губам дыхание Фусако исходит из недр ее груди, как тут же жар и аромат ее вдоха поведали, что теперь оно поднимается из неизмеримых глубин ее тела. Куда жарче прежнего.

Они ощупывали друг друга, сталкивались в нетерпеливых неловких движениях, словно охваченный огнем зверь терся изнутри об их тела, требуя поскорее затушить огонь. Губы Фусако становились все более гладкими, и Рюдзи подумал, что теперь можно и умереть. Только когда он прикоснулся к ней прохладным кончиком носа, он наконец вспомнил, каково это быть отдельным существом с собственной плотью...

— Что, если сегодня тебе остаться у меня? Вон мой дом.

Рюдзи не помнил, сколько времени прошло, прежде чем Фусако указала на шиферную крышу, возвышавшуюся за дальней рощицей.

Они поднялись и оглянулись по сторонам. Рюдзи небрежно нахлобучил морскую фуражку, обнял женщину за плечи. В парке было безлюдно. То красный, то зеленый луч Морской Башни¹¹ вращался по кругу, скользя высоко в небе. Под маяком угадывались пустые каменные скамейки на площади, фонтанчики, клумбы и белые каменные мосты.

Он привычно взглянул на циферблат наручных часов. В тусклом свете уличных фонарей разглядел, что почти десять. До ночной вахты оставалось два часа.

Полуденный зной становился нестерпимым. Солнце катилось на запад, жгло затылок.

Рюдзи переоделся в каюте и вышел в рубашке с короткими рукавами и без фуражки. Первый помощник на двое суток освободил его от вахты, поставил вместо него третьего, взамен Рюдзи обещал подменить его в ближайшем порту. По просьбе Фусако он захватил с собой гражданский пиджак и галстук, но рубашка уже промокла от пота.

Он взглянул на часы. Было только четыре. До свидания еще два часа. Они условились встретиться в кафе на Мотомати-дори. Фусако говорила, там есть цветной телевизор. Только вряд ли в это время суток наберется программ на пару часов. Рюдзи направился к парасету, окинул взглядом порт. За время, что он стоял здесь, тени треугольных складских крыш заметно вытянулись в сторону насыпного мола. В клубную гавань вернулось несколько белых яхт.

Облака над морем не обещали внезапного ливня, но послеполуденные лучи отчетливо высвечивали их мокрую, готовую пролиться дождем подкладку.

Решившись, Рюдзи спустился к фонтанчику в углу площади и совсем как в детстве, зажав струю пальцем, веером пустил воду на поникшие от жары головки георгинов, аптечной ромашки и канн¹². Листочки дрогнули, в воздухе повисла крошечная радуга, соцветия откинулись назад под напором воды.

Не боясь намочить рубашку, Рюдзи снова зажал струю, на этот раз с обратной стороны,

¹¹ Морская Башня (Marine Tower) — 106-метровая решетчатая башня в районе Нака-ку, г. Иокогама, служит самым высоким маяком в мире; построена в 1961 г., обзорная площадка на высоте 100 м. с видом на Фудзияму.

¹² Канна — многолетнее травянистое растение семейства канновых с крупными яркими оранжевыми, желтыми или красными цветками.

играя с летящими на лицо, волосы, шею брызгами. С шеи вода стекла на грудь и живот, мокрая ткань дарила телу неопишемую прохладу. По-собачьи крупно отряхиваясь, Рюдзи разбрызгал вокруг воду, а потом, как был, в пестреющей мокрыми пятнами рубашке, подхватил пиджак и направился к выходу. Все равно, пока он дойдет до кафе, все высохнет.

Он вышел из парка. Недвижно стоящие в ряд дома под надежными крышами, обнесенные заборами, вызвали странное чувство. Сухопутная жизнь по-прежнему казалась Рюдзи чудовищно нереальной. Даже начищенные кастрюли, мелькнувшие в открытой кухонной двери, были какими-то бутафорскими... Так и его страсть — чем больше в ней было плотского желания, тем сильнее пугала она его своей отвлеченностью. В ежесекундно меняющихся воспоминаниях поблескивала лишь самая суть, словно соль, выкристаллизовавшаяся на поверхности под палящим летним солнцем.

«Наверно, этой ночью я вновь буду спать с Фусако. Наверно, в эту последнюю ночь мы не сомкнем глаз. Завтра вечером отплываем. Наверно, после двух этих ночей я сам превращусь в свое собственное воспоминание».

Жара не клонила его в сон, напротив, даже сейчас некоторые мысли заставляли его мгновенно закипать страстью. Задумавшись, он едва успел увернуться от взбравшегося на холм большого автомобиля.

В этот момент со сбегавшей с холма тропинки выскочила стайка мальчишек. Один из них при виде Рюдзи застыл как вкопанный. Это был Нобору.

Заметив, как резко замерли и напряглись торчащие из шорт детские коленки, как дернулось от напряжения обращенное к нему лицо, Рюдзи вспомнил утренние слова Фусако: «Кажется, Нобору что-то почувствовал».

Мгновение он боролся с собой, преодолевая неловкость, и наконец широко улыбнулся:

— Вот так встреча. Как искупался?

Не ответив, мальчишка бесстрастно оглядел мокрую рубашку Рюдзи.

— Вы почему такой... мокрый?

— А, ты об этом? — Рюдзи снова ненужно улыбнулся. — Купался под фонтанчиком вон там, в парке.

Глава 5

Плохо, что он встретил здесь Рюдзи. Как сделать так, чтобы мать не узнала от Рюдзи, что Нобору был здесь в это время? Он не ездил сегодня в гости к другу, купаться в Камакура. Да еще среди мальчишек, которых видел Рюдзи, был Главварь. Ну и ладно. По виду ведь не разобрать, кто из них Главварь.

Сегодня, захватив с собой еду, они отправились на пристань Ямаути в районе Канагава. Побродили по ответвлениям железной дороги за складами, провели обычное собрание, обсудив никчемность человеческих существ и полную бессмысленность бытия. Они любили совещаться в беспокойных местах, где им могли помешать в любую минуту.

И Главварь, и Первый, и Второй, и Третий — Нобору, и Четвертый, и Пятый — все шестеро были физически хилыми и отлично учились. Учителя хвалили выдающуюся компанию, ставили в пример плохим ученикам.

Место для сегодняшнего собрания нашел Второй, а Главварь и остальные поддержали. Позади Первого городского таможенного склада Ямаути, среди высоких кустов бежали ржаво-красные рельсы с такими же проржавевшими стрелками, здесь же валялись старые вагонные колеса — по всему было видно, что пути давно не используют.

Угасающим костром на исходе лета издали пламенели на солнце соцветия канн перед зданием складской администрации. Мальчишкам казалось, что, пока они видят это пламя, сами они находятся в поле зрения охранника, и, повернувшись к пламени спиной, они двинулись в глубь путей. Рельсы заканчивались у наглухо запертой черной двери одного из складов. В тени нагромождения канистр, ярко-красных, желтых, темно-коричневых, они нашли скрытую от глаз полянку и расселись на земле. Складскую крышу заливало

ослепительное солнце, но полянка пока оставалась в тени.

— Он отличный парень. Похож на странного зверя, только что выпрыгнувшего из моря и еще мокрого. Я видел, как он спал с мамой. — Нобору взхлеб отчитывался о событиях прошлой ночи.

Несмотря на бесстрастные лица слушателей, он удовлетворенно почувствовал прикованное к нему внимание и старался ничего не забыть.

— Так вот кто твой герой? — Дослушав до конца, Главварь скривил тонкие красные губы. — В этом мире не бывает героев.

— Но он наверняка совершит что-нибудь героическое.

— Что?!

— Что-нибудь прекрасное.

— Дурак ты. Такой ничего не сделает. Он просто нацелился на имущество твоей мамы, вот и все. Обглодает ее до косточек, а потом — вы мне больше не нужны, прощайте.

— Но ведь и это что-то будет значить, разве не так? Во всяком случае, нам это не по силам.

— Ты пока мало что понимаешь, — холодно ответил тринадцатилетний Главварь, — то, что не по силам нам, то тем более не по силам взрослым. На этом мире стоит гигантское клеймо. Не забывай, что снять его в конечном итоге способны только мы.

При этих его словах все почтительно замолчали.

— Родители, — теперь Главварь обращался ко Второму, — так и не купили тебе воздушное ружье, верно?

— Ага, верно, — обхватив колени, жалобно ответил Второй.

— Наверняка говорят, что опасно?

— Ага.

— Хм... — Главварь втянул не по-летнему бледные щеки. — Они не понимают смысла слова «опасность». Думают, опасность — это когда у кого-то пустили немного крови, а газеты раздули шумиху. Какая чушь. Настоящая опасность заключается в самой жизни. С одной стороны, жизнь — это всего лишь хаос, но в то же время и работа по сведению бытия к первоначальному состоянию хаоса, когда, пользуясь тревогой как наживкой, мы ежесекундно пытаемся его изменить. Другой такой опасной работы не найти. Тревоги самой по себе не существует, ее постоянно порождает сама жизнь. Общество сродни римской бане. Сколько ни посещай мыльную, грязи меньше не станет. Школа — это калька с общества... Вот почему нам постоянно приказывают. Причем приказывают слепые, которые даже не подозревают о наших безграничных возможностях.

— А как же море? — не сдавался Третий, Нобору. — Как же корабли? Вчера вечером я, точно говорю, вдруг понял мировые внутренние связи, о которых ты когда-то рассказывал.

— Немного моря дозволительно. — Главварь глубоко вдохнул пробравшийся сквозь склады соленый ветер. — Оно и правда являет собой особый объект из того немногого, что дозволено. Но корабли? Чем они отличаются от автомобилей?

— Тебе не понять.

— О-о. — Между тонкими серпами бровей Главваря упрямой морщинкой залегла уязвленная гордость. Этими словно нарисованными искусственными бровями он был обязан парикмахеру, вечно норовившему, несмотря на его сопротивление, красиво подбрить их у лба и над веками. — О-о... Да у тебя, оказывается, есть право воображать, будто существует нечто, недоступное моему пониманию?

— Давайте обедать, — предложил тихоня Пятый.

Все разложили на коленях коробки с едой, и тут на них неожиданно упала чья-то тень. Нобору удивленно поднял глаза. Опершись на канистру, на них смотрел складской старик охранник, одетый в несвежую рубашку цвета хаки.

— Эй, ребятки, не лучшее место вы нашли для пикника.

Главварь невозмутимо повернул к нему ясные глаза отличника.

— Здесь нельзя? Мы пришли смотреть на корабли и искали тень, чтобы пообедать.
— Можно, можно, только объедки за собой уберите.
— Хорошо. — Вся компания засмеялась невинно и по-детски. — Мы съедим вместе с объедками, ничего не оставим.

Когда сутулая спина охранника скрылась на границе света и тени над путями, Четвертый тихо прищелкнул языком:

— Знаю я таких. Любитель детворы, млеет от малышей.

Шестеро мальчишек менялись бутербродами, пускали по кругу маленький термос с холодным чаем и разную принесенную из дому снедь.

Скакавшие на рельсах воробьи вплотную приблизились к их компании. Воробьям не кинули ни крошки — ребята гордились своим превосходящим обычных людей бессердечием.

Все они были детьми из «хороших семей», и их обеды отличались разнообразием, так что Нобору стыдился своих незамысловатых бутербродов. Мальчишки, кто в шортах, кто в джинсах, сидели на земле, по-турецки скрестив ноги. Тонкий кадык Главара натужно двигался, пережевывая пищу.

Палило нещадно. Солнце светило уже прямо над складом, но их пока прикрывала тень короткого козырька.

Нобору торопливо жевал, за что его всегда ругала мать, и мысленно восстанавливал канву увиденной вчера безупречной картины и проявившейся почти в полночь абсолютной небесной синевы. И пусть Главарь говорит, что в целом свете нет ничего нового. Нобору до сих пор верит в приключения, ожидающие его в тропических джунглях. Верит в шумные яркие рынки в далеких портах, где в черных, блестящих на солнце руках негры держат бананы и попугаев.

— Мечтаешь за едой. Детская привычка, — язвительно усмехнулся Главарь, и Нобору, пойманный врасплох, не нашелся что ответить.

«Мы ведь тренируемся „ничего не чувствовать“, так что сердиться было бы глупо», — мысленно махнул он рукой. Вот и вчера — он уже научился ничему не удивляться в вопросах секса. Главарь изрядно постарался, тренируя в них способность не удивляться таким вещам. Раздобыл где-то и принес фотографии с разнообразными сексуальными позами и странными прелюдиями, подробно все рассказал и по-дружески объяснил, насколько это бесполезное и ерундовое занятие.

Подобные уроки в большинстве классов преподавали крепкие парни, опережавшие ровесников разве что в физическом развитии, но у интеллектуальной элиты в лице Главара были иные методы. Главарь упирал на то, что их гениталии созданы для сношения с Галактикой. А окрепшие волосы, пустившие корни в недрах их белой кожи, призваны щекотать стыдливую звездную россыпь, когда они будут ее насиловать... Они обожали подобный священный бред и презирали изнывающих от сексуального любопытства тупых, грязных и жалких одноклассников.

— Когда поедем, — сказал Главарь, — пойдем ко мне домой. Все готово для нашего дела.

— А кошка есть?

— Сейчас начнем искать. Все начнется сейчас.

Главарь жил по соседству с Нобору, и ехать до его дома снова пришлось на электричке. Вообще-то им нравились подобные бессмысленные и утомительные поездки.

Родителей Главара постоянно не было дома, и, когда бы к нему ни пришли гости, дом пустовал. Настоящий одиночка, в свои тринадцать лет Главарь прочел в доме все книги и заскучал. Он говорил, ему достаточно взглянуть на обложку любого тома, чтобы знать, о чем он.

Была особая ирония в том, что его теория подавляющей пустоты мира сформировалась именно в этом пустующем доме. Редко где, как здесь, можно было заходить в любую

комнату, и повсюду царил холодный порядок. Если честно, Нобору даже в туалет здесь боялся ходить в одиночку. Пароходный гудок безжизненно перетекал из одной пустой комнаты в другую.

Иногда Главварь заводил их в отцовскую библиотеку и при свете красивых светильников из марокканской кожи, поболтав в чернильнице пером, писал и раздавал им повестку дня на почтовой бумаге с вензелями. Испорченные плотные листы европейской бумаги без сожаления комкались и летели в корзину для мусора. Как-то Нобору спросил:

— Тебя не ругают за такое?

Ответом ему была молчаливая ироническая усмешка.

Но больше всего они любили просторный амбар в пять цубо¹³ на заднем дворе, куда можно было попасть незаметно для прислуги. Вдоль стен тянулись стеллажи, забитые плотницкими инструментами, старыми винными бутылками, потрепанными иностранными журналами, ненужной мебелью. Если сесть на земляной пол, где валялось несколько старых бревен, можно собственным задом ощутить холод сырой темной земли. После целого часа охоты им попался бездомный котенок со слабым тонким голосом. Пестрый, с темными глазами, он умещался на ладони.

Взмокшие, они разделись догола и по очереди облились водой из раковины в углу амбара. Все это время один из них попеременно держал кошку. Мокрой голой грудью Нобору чувствовал звонкие удары теплого кошачьего сердца. Казалось, оно билось с радостью летнего солнца, сияющего за дверью амбара.

— Как будем убивать?

— Там есть бревно. Можно ударить об него и убить. Все просто. Третий, давай, — скомандовал Главварь.

Настал момент твердого и холодного, холоднее, чем Северный полюс, душевного испытания для Нобору. Только что он обливался водой, но снова вспотел. Словно утренний морской ветер, грудь пронзило намерение убить. Собственная грудная клетка сейчас показалась ему пустой сушилкой из металлических реек, высушившей горы белых рубашек. Рубашка надувается от ветра. В это мгновение он, наверно, уже убивает. Рубит нескончаемую цепь отвратительных общественных запретов.

Нобору схватил кошку за шею и поднял. Она безмолвно повисла в его пальцах.

Он вслушался, не возникнет ли в душе сострадание, но оно только помаячило на горизонте и пропало, и он успокоился. Так в окне скоростной электрички мгновенно блеснет и исчезнет окно одного из домов.

Главварь давно говорил, что такой поступок необходим для заполнения мировой пустоты. Видимо, пустота, невосполнимая ничем другим, заполнится убийством. Наверно, в их руках реальная власть над бытием.

Нобору что есть мочи потрянул кошку и ударил ею о бревно. То, как взлетело, разрезав воздух, зажатое в пальцах теплое и мягкое тело, было по-настоящему великолепно. Пальцы все еще хранили ощущение пуха.

— Не умерла. Давай снова, — промолвил Главварь.

Со всех сторон в сумраке амбара сверкали пять пар неподвижных глаз.

Подобранное Нобору существо уже не было кошкой. Кончики пальцев налились блистательной силой, он уловил четкую траекторию и просто несколько раз ударил существом о бревно. Вот теперь он, похоже, замечательный мужчина. Во второй раз котенок коротко и глухо всхлипнул и, отскочив от бревна и мягко описав в воздухе дугу, затих на земляном полу. Разбрызганная по бревну кровь сделала мальчишек счастливыми.

Словно в глубокий колодец, Нобору заглянул в узкую щель смерти, куда летел труп кошки. Чем ближе надвигалась ее морда, тем больше он чувствовал исполненное смелости,

¹³ Цубо — японская единица площади, примерно 3,3 кв. м.

хладнокровное безразличие. Из рта и носа пестрого котенка лилась черно-красная кровь, язык конвульсивно прилип к нёбу.

— Эй, посторонитесь. Дальше я.

Главарь, успевший надеть резиновые перчатки, с блестящими ножницами в руках склонился над трупом кошки. Ножницы, полные холодного интеллектуального достоинства, прохладно сверкали в сумраке амбара среди старой мебели и журналов, и Нобору подумал, что вряд ли найдется более подходящее Главарю орудие убийства.

Одной рукой схватив кошку за шею, Главарь приставил кончик лезвия к груди и, мягко надрезав до горла, обеими руками раздвинул кожу. Обнажилось глянцево-белое нутро, словно с побега бамбука сняли кору. Казалось, на изящную шею без кожи просто надели маску кошки.

Кошка была лишь обличьем. Душа прикинулась кошкой.

Нутро... гладкое бесстрастное нутро, такое же, как у каждого из них. Они чувствовали, как их собственные черные, запуганные и пока еще живые внутренности глядят, отбрасывая тень, на поблескивающий белизной спокойный эндотелий — так глядит на воду корабль. Только сейчас прочные узы связали их с кошкой, вернее, с тем, что когда-то было ею.

В постепенно открывающемся взору полупрозрачном перламутровом великолепии кошачьего тельца не было ничего отвратительного. Просвечивали ребра, под перепонкой тепло и уютно змеились кишки.

— Ну как? Слишком голый, верно? Эй, разве можно быть таким голым? Ах ты бесстыдник, — говорил Главарь, раздвигая кожу в стороны пальцами в резиновых перчатках.

— Нахал, — подхватил Второй.

Нобору мысленно сравнил откровенное соприкосновение с миром, развернувшееся сейчас на его глазах, с увиденным прошлой ночью предельно откровенным зрелищем мужчины и женщины. Выходило, что вчерашнее в сравнении с сегодняшним было не вполне откровенным. Его прикрывала кожа. К тому же великолепный пароходный гудок и ширящийся в нем просторный мир не проникли в глубины, подобные этим... Похоже, кошка, с которой содрали кожу, своими просвечивающими подвижными внутренностями с куда более жгучей непосредственностью соприкасалась с мировой сутью.

«Что здесь сейчас начинается?» — думал Нобору, от постепенно усиливающегося зловония заткнув ноздри скатанным носовым платком и горячо дыша ртом.

Крови почти не было. Главарь ножницами распорол тонкую кожу, в глаза бросилась крупная черно-красная печень. Затем он выпустил аккуратный белый тонкий кишечник. От резиновых перчаток пошел пар. Он нарезал кишечник кружками, выдавив лимонно-желтую жидкость.

— Режется будто фланель.

Несмотря на то что Нобору видел происходящее крайне отчетливо, душа его пребывала в забытии. Мертвый кошачий зрачок — белое пятно на сиреновом фоне. Пасть с густо запекшейся кровью. Конвульсивно замерший между клыками язык. Он слышал, как пожелтевшие от сала ножницы со скрежетом кромсают ребра. Поискав на ощупь, Главарь вытащил крошечный перикардий, вынул из него симпатичное эллипсоидное сердце, понаблюдал, как схлынули остатки крови. Кровь быстро стекла на резиновые перчатки.

«Что здесь происходит?» Нобору выдержал все зрелище от начала до конца, а его душа в полудреме рисовала картины того, как в дымке тоскливого угасающего духа утратившей сознание кошки обретают законченность узоры развороченных внутренностей и скопившаяся в брюхе кровь. Торчащие из тела внутренности превращаются в плавный полуостров, раздавленное сердце превращается в маленькое солнце, вырванный и свернувшийся расслабленной дугой кишечник превращается в белый коралловый риф, а кровь в брюхе превращается в теплое тропическое море. И тогда благодаря смерти кошка превращается в целый законченный мир.

«Я убил. — Словно в тумане Нобору привиделась далекая рука, вручающая ему белоснежный орден. — Я могу делать любые, самые жуткие вещи».

Главарь со скрипом стянул резиновые перчатки, красивой белой рукой тронул Нобору за плечо:

— Молодец. Что ни говори, ты теперь серьезный человек... Все-таки вид крови здорово бодрит!

Глава 6

Плохо, что едва они все вместе зарыли кошку и вышли от Главаря, как тут же столкнулись с Рюдзи. Встретив знакомого сразу после преступления, Нобору заволновался, чисто ли вымыты руки, не осталось ли крови на одежде, не чувствуется ли запах. Или, может, взгляд у него как у преступника?

Хуже всего, если мать узнает, что Нобору оказался по соседству с парком. Он ведь должен сейчас гостить у приятеля в Камакура.

Разозлившись на собственный страх, Нобору во всем обвинил Рюдзи.

Кое-как попрощавшись, мальчишки разбежались, и на жаркой дороге, где прекратилось всякое движение, остались только характерные для четырех пополудни длинные тени Рюдзи и Нобору.

Нобору испытывал мучительный стыд. Он собирался выбрать момент, чтобы спокойно познакомить Рюдзи с Главарем. Пройди их знакомство успешно, Главарь скрепя сердце признал бы в Рюдзи героя и Нобору мог сохранить достоинство.

Однако во время злосчастной и неожиданной встречи второй помощник, жалкий в своей насквозь мокрой рубашке с короткими рукавами, улыбался Нобору почти заискивающе. Это была совершенно лишняя улыбка. Не только говорящая о снисходительном, словно к ребенку, отношении Рюдзи к Нобору, но и выставляющая его карикатурным «другом детворы». Нарочито радостная, адресованная ребенку, его улыбка была неуместной и непростительной ошибкой.

Вдобавок Рюдзи сказал то, чего никак не следовало говорить:

— Вот так встреча! Как искупался?

А когда Нобору, словно партизан, подорвавший мину в тылу врага, завел разговор о его мокрой рубашке, Рюдзи следовало ответить:

— Ах, это? Да так, женщина бросилась с причала — пришлось спасать. Уже третий раз ныряю в одежде.

Но Рюдзи ничего такого не сказал. Вместо этого он произнес несусветную глупость:

— Купался под фонтанчиком вон там, в парке.

Да еще эта улыбка!

«Хочет мне понравиться. А что, удобно — подружиться с сынишкой своей новой бабы», — думал Нобору, успокаиваясь.

Они направились к дому. Рюдзи, радостный, что нашел с кем скоротать оставшиеся два часа, плелся вслед за мальчишкой.

— Странные мы сегодня какие-то, — произнес Рюдзи.

Нобору не выносил подобного деликатного участия. Зато теперь он мог легко попросить:

— Не говорите маме, что встретили меня на той тропинке.

— Ага.

Радость Рюдзи быть посвященным в секрет и его мгновенное согласие вкупе с многообещающей улыбкой были все так же скучны. Вот если бы он прикинулся, что станет шантажировать Нобору...

— Скажем, что я вернулся с моря. Пойдите-ка. — Нобору взлетел на гору песка, приготовленного для дорожных работ, сбросил кроссовки и вымазал в песке ноги до колен.

Только сейчас Рюдзи впервые заметил его звериную ловкость и ухмылку всезнайки. Ободренный вниманием, Нобору заодно уж вымазал и ляжки и осторожно обулся, стараясь

не стряхнуть налипший песок.

— Смотрите-ка, налип как по линейке. — Продemonстрировав ноги, он аккуратно двинулся вперед.

— Куда направляешься?

— Домой. Пойдете со мной, Цукадзаки-сан? В гостиной прохладно, у нас кондиционер.

Они закрылись в гостиной, включили кондиционер. Рюдзи устроился в плетеном кресле, а Нобору, подгоняемый домработницей, с нарочитой неохотой вымыл ноги и улегся на плетеной банкетке у окна.

Прислуга принесла напитки и снова его отчитала:

— Вот я скажу матери, как ты себя перед гостем ведешь.

Нобору взглядом попросил у Рюдзи помощи.

— Ничего. Видать, наплавался сегодня, устал.

— Вы так считаете? И все же...

Домработница явно вымещала на Нобору неприязнь к Рюдзи. Наконец она вышла. Ее тяжело покачивающийся из стороны в сторону массивный зад выражал протест перед такой откровенной несправедливостью. Благодаря покровительству Рюдзи между ним и Нобору установилось молчаливое соглашение. Нобору с жадной неопрятностью глотал сок, так что желтые капли лились прямо на кадык. Напившись, он поднял взгляд на Рюдзи и впервые улыбнулся сам:

— Я о кораблях все знаю.

— Да ты просто специалист.

— Не надо лести. — Мальчишка поднял голову с вышитой матерью подушки, в его взгляде мелькнуло бешенство. — Вы во сколько стоите вахту?

— Днем и ночью с двенадцати до четырех. Вахта второго помощника потому и называется «воровской».

— Воровская вахта... Интересно, — мальчишка улыбнулся и выгнулся словно тетива, — а сколько на вахте стоит человек?

— Один дежурный офицер и два матроса.

— А во время шторма судно сильно кренится?

— Если серьезный шторм, то градусов на тридцать—сорок. Попробуй-ка взобраться на холм с сорокаградусным уклоном — это все равно что карабкаться на забор. Такие бури — это нечто... — Подбирая слова, Рюдзи устремил взгляд вдаль.

В этом взгляде Нобору виделись океанские штормовые волны. Он с восторгом ощутил в теле легкое покачивание.

— А ваше судно это ведь трамп?¹⁴

— Ага, — нехотя ответил Рюдзи, слегка уязвленный.

— А бывает, что вы возите грузы для третьей стороны?

— Все-то ты знаешь. Случается, доставляем пшеницу из Австралии в Англию.

Вопросы Нобору были непоследовательными, перескакивали с одного на другое:

— Слушайте, забыл, а какой груз в основном берут на Филиппинах?

— Шорею¹⁵, наверное.

— А в Малайзии?

— Железную руду. А на Кубе знаешь?

— Знаю. Конечно же, сахар. Не надо считать меня дураком... Послушайте, а вы бывали в Вест-Индии?

¹⁴ Трамп — грузовое судно, занятое перевозками в зависимости от наличия грузов без заранее фиксированного расписания.

¹⁵ Шорея (или лауан) — род листопадных деревьев семейства диптерокарповых высотой до 37 м.

- Один раз.
- Заходили на Гаити?
- Ага.
- Здорово. А какие там деревья?
- Деревья?
- Ну да, деревья. Ну, там вдоль улиц...
- Ах, деревья. Ну, во-первых, конечно, пальмы. Еще в горах много шелковой акации.

Я уж и не помню, похожи ли они между собой. Но цветки у них — чистое пламя. Когда надвигается ливень и небо становится совсем черным, это пламя приобретает удивительный оттенок. Таких цветов я больше не видал.

Он хотел рассказать о своей непонятной любви к кариотовым рощам, но только как объяснишь это ребенку? В результате он промолчал. Внезапно он почувствовал, как в душе, словно инкуб, пробуждается сила, та самая, что ежесекундно наполняет эмоции разнообразными событиями морской жизни: навевающим мысли о Судном дне закатом в Персидском заливе, лижущим щеки морским бризом, стрелкой барометра, нервным падением возвещающей близость тайфуна...

Только что Нобору явственно видел в глазах Рюдзи океанские волны, а теперь читал в них видения, одно за другим возникающие в его душе. Нобору казалось, что, подхваченные чужестранными пейзажами и белыми табличками с морскими терминами, они с Рюдзи уносятся в далекий Мексиканский залив, в Индийский океан, в Персидский залив. Благодаря реальному, из плоти и крови, второму помощнику перед взором Нобору разворачивались целые картины. Его воображение давно нуждалось в истинном медиуме. Он так долго этого ждал.

От переизбытка чувств Нобору зажмурился.

«Спать хочет», — подумал Рюдзи, а мальчишка, открыв глаза и убедившись, что самый настоящий второй помощник по-прежнему находится рядом, испытал неописуемый восторг.

От тихо урчащего кондиционера в комнате было прохладно. Рубашка Рюдзи просохла, он сидел, сцепив за головой руки, ощущая пальцами прохладные неровности тонких переплетенных прутьев.

Когда Нобору прикрыл глаза, второй помощник осмотрелся. Обводя взглядом прохладную сумрачную комнату, он с удивлением разглядывал вещи — золотые часы на каминной полке, хрустальную люстру на высоком потолке, опасно стоящую на краю стола длинную нефритовую вазу. Почему стены комнаты не качаются? Эти предметы, до вчерашнего дня не имевшие с ним ничего общего, завтра снова потеряют с ним всякую связь, оставшись лишь в памяти. Однако он отдавал себе отчет, что связал его со всей этой непривычной обстановкой один-единственный женский взгляд, привлечший его внимание, — так бывает, когда встретишь в море незнакомое судно. Он вздрогнул от ощущения грандиозной нереальности пребывания здесь его физического тела, послужившего причиной сложившихся обстоятельств.

«Что означает мое пребывание здесь летним днем? Кто я, лениво сидящий рядом с сыном женщины, с которой переспал прошлой ночью? Еще вчера знакомая мелодия, и мои слезы, и два миллиона иен на счету гарантировали мне реальность».

Нобору не знал, что Рюдзи притих. Не заметил и того, что тот больше не взглянул в его сторону.

Не выспавшись прошлой ночью и устав от всевозможных перипетий, он оставил попытку широко раскрыть покрасневшие глаза — домработнице сказал, что от купания, — и провалился в сон, покачиваясь всем телом, мысленно перебирая сияющую реальность, которая со вчерашнего вечера несколько раз мелькнула в просветах совершенно неподвижного, скучного, бесплодного мира.

На ровной канве сумрака показались несколько великолепных золотых вышивок. «Обнаженный второй помощник с лунным светом на плечах, обернувшийся на пароходный гудок... Мертвая морда котенка с серьезным оскалом и его красное сердце... Какие

роскошные вещи. И какие настоящие». «И значит, Рюдзи настоящий герой. И все происходит или на поверхности моря, или в его пучине». Он чувствовал, как погружается в сон. «Счастье, какое невыразимое счастье», — думал Нобору.

Мальчишка уснул.

Рюдзи взглянул на часы — пора идти. Тихонько стукнул в кухонную дверь, позвал домработницу.

— Уснул. — Обычное дело.

— Замерзнет во сне. Вы бы одеяло... — Ладно. Сейчас укрою. — Ну, я пошел.

— Вечером еще вернетесь, наверное. — Глаза под толстыми веками блеснули мгновенным лукавством.

Глава 7

Фусако хотелось как-то обойтись без этих слов, пусть даже и искренних, — слов, что издревле женщина говорит моряку, слов, безоговорочно признающих власть горизонта, его голубую непостижимую линию, слов, даже самую гордую женщину наделяющих тоской проститутки, пустой надеждой и ненужной свободой, слов «завтра пора расставаться».

С другой стороны, Фусако понимала — Рюдзи хочет вырвать у нее эти слова. Понимала, что обычная мужская гордость заставляет его делать ставку на слезы скорбящей о расставании женщины. Как же он примитивен, этот Рюдзи! Она поняла это еще вчера вечером, когда, беседуя с ним в парке и глядя в его задумчивое лицо, пыталась разгадать, что за романтическую фразу он сейчас произнесет, а он вдруг словно невзначай заговорил о ботве на корабельном камбузе, о своей жизни, хотя она и не спрашивала, а потом еще и запел.

Вместе с тем Фусако понравилось, что душа у Рюдзи скромная и искренняя, не обремененная мечтами и иллюзиями, надежная, словно добротная старая мебель, где важна не столько фантазия, как прочность. Она, слишком долго себя оберегавшая, обходившая опасности, со вчерашнего вечера не переставала удивляться собственному немыслимому поведению и во что бы то ни стало хотела заручиться у партнера гарантией безопасности. При таком подходе Фусако ничего не оставалось, кроме как видеть в нем черты искренней скромности. По крайней мере, она видела, что Рюдзи не доставит ей особых хлопот.

Они отправились поужинать на Басямити¹⁶. По дороге набрали на новый ресторанчик с миниатюрными красными и желтыми фонариками над входом и фонтаном во дворе и зашли выпить аперитив.

Из фраппе с мятным ликером, который заказала Фусако, торчала вишенка. Фусако виртуозно откусила ягодку, а бледно-розовую косточку на ножке положила в мелкую стеклянную пепельницу.

Отсвет догорающего вечернего зарева, плавающего над фонтаном во дворе, просвечивал сквозь тюль на широком окне, расплывался по залу с немногочисленными посетителями. Наверное, из-за подсвеченных закатом бледных лучей вишневая косточка, извлеченная из губ Фусако, гладкая и теплая, понемногу обсыхающая, имела неопиcуемый розовый оттенок... Рюдзи это показалось невероятно чувственным.

Он резко протянул руку и сунул косточку в рот. Фусако изумленно вскрикнула и рассмеялась. Никогда еще физическая близость не давала ей ощущения такого безмятежного покоя.

Для вечерней прогулки они выбрали безлюдные окрестности Токива-гё и шли, молча переплетая пальцы, отдавшись в нежный, словно плавающий тела, плен сумерек. Свободной рукой Фусако тронула уложенные волосы — сегодня после обеда, улучив буквально двадцать минут, она кинулась в парикмахерскую. Сейчас она покраснела, вспомнив

¹⁶ Басямити — название района и улицы в Йокогаме.

удивление мастера, когда при виде привычного душистого масла она попросила:

— Сегодня давайте без масла.

Казалось, и прическа, и тело Фусако готовы вот-вот рассыпаться в ароматах летней ночи.

Вплетенные в ее ладонь толстые мужские пальцы завтра закатятся за горизонт. Сейчас это казалось Фусако совершенно невероятным.

— Из-за тебя я морально опустила, — неожиданно произнесла она, замерев у сетчатой ограды озеленительной компании, уже закрытой в этот час.

— Почему это? — Рюдзи удивленно остановился.

Фусако взглядела в пространство за сеткой, где в густой темноте среди потушенных фонарей густо росли тропические деревья, кустарники и розы, высаженные в качестве образцов. В потемках разросшаяся зелень неестественно переплелась, являя собой зловещую картину, словно им внезапно показали их собственные внутренности.

— Почему это? — повторил Рюдзи, но Фусако не ответила.

Ей хотелось сказать о своем недовольстве, о том, что она, хозяйка прекрасного дома, вынуждена, как какая-нибудь морячка, принять на себя роль покинутой мужчиной женщины. Но так недалеко и до слов «завтра пора расставаться».

Одинокая морская жизнь приучила Рюдзи не идти напролом. В его вопросе слышалась насмешка: ох уж эти женщины, все бы им ворчать.

Чем сильнее одолевали его горькие мысли о завтрашнем расставании с этой женщиной, тем больше та же горечь настраивала его на мечтательный лад, звуча в голове рефреном: «Мужчина отправляется в путь ради благородной цели, оставляя женщину на берегу».

Это была полная чушь. То, что в плавании нет никакой благородной цели, Рюдзи знал, как никто другой. В нем есть только вахта, связавшая ночь и день, до крайности монотонный быт, житейская скука да будни жалкого узника. А еще предупреждающие радиogramмы: «В последнее время в южной части прохода Ираго и в районе входа в пролив Курусима участились случаи аварий с судами нашей компании. Особое внимание следует проявлять при навигации по проливу и при входе в порт. С учетом нынешней ситуации прошу экипаж осуществлять безаварийную навигацию и надеюсь на ваше содействие. Начальник морского отдела».

С тех пор как начался экономический спад в их отрасли, ни одна многословная радиogramма не обходилась без пресловутого «с учетом нынешней ситуации...»

День за днем судовой журнал: погода, направление ветра, сила ветра, атмосферное давление, состояние волнения, температура воздуха, относительная влажность, показания лага, скорость и время в пути. Журнал, куда вместо души человеческой — ее вписать невозможно — тщательно и регулярно вносилось описание капризной морской стихии.

В кают-компании кукла Сиокуми¹⁷. Пять иллюминаторов. Карта мира на переборке. Солнечные лучи изредка тронут свисающие с подволока бутылочки с соусом и тут же отпрыгнут, снова чуть лизнут подсвеченную темно-коричневую жидкость и резко отступят.

На стене камбуза — сплошная показуха — утреннее меню на голубой бумаге:

«Суп мисо, тофу с баклажанами.

Сушеная редька дайкон.

Натто¹⁸, лук-батун, горчица».

Рядом обеденное европейское меню — суп и прочее.

В лабиринте машинного отделения выкрашенный зеленой краской двигатель, словно тяжелобольной в лихорадке, непрерывно стонет, сотрясаясь всем телом.

¹⁷ Сиокуми — кукла-солевар, держащая на плечах коромысло с морской водой для изготовления соли.

¹⁸ Натто — традиционное японское блюдо из ферментированных бобов, популярное на завтрак, часто употребляется с горчицей и зеленым луком.

...Завтра это станет частью его жизни.

Они с Фусако стояли возле двери в сад озеленительной компании. Рюдзи слегка надавил плечом на сетчатую дверь. Она оказалась незапертой и мягко отворилась вовнутрь.

— Ой, можно войти. — Глаза Фусако по-детски загорелись.

Украдкой поглядывая на свет в окне сторожки, Рюдзи и Фусако прокрались в рукотворные заросли. Никогда раньше им не доводилось бывать в таком пышном саду.

Взявшись за руки, уворачиваясь от шипов и стараясь не топтать цветы под ногами, они прошли сквозь высокие, в человеческий рост, заросли и забрались в уголок, густо поросший юккой, разными видами пальм — банановыми, веерными, канарскими, финиковыми, а также каучуковыми деревьями и прочими тропическими растениями.

Глядя на одетую в белый костюм Фусако, Рюдзи почудилось, будто впервые он встретил ее в тропиках. Осторожно, чтобы не уколоть глаза острыми листьями, они ловко прижались друг к другу. На низкой ноте гудели комары, в воздухе витал аромат духов Фусако, создавая у Рюдзи мучительное ощущение нереальности происходящего.

Между тем во внешнем мире, отделенном от них только металлической сеткой, золотыми рыбками дрожали огни красного неона, да еще свет автомобильных фар изредка пробегал в потемках джунглей. Мерцание красного неона расположенной через дорогу винной лавки настигало женское лицо в тени листьев веерной пальмы, смутно окрашивало красным белые щеки, чернило красные губы. Рюдзи обнял Фусако и долго целовал.

И тогда они утонули в ощущениях, а Фусако в этом поцелуе почувствовала только боль завтрашнего расставания. Поглаживая выбритую мужскую щеку, похожую на плотную насидзи¹⁹, вдыхая запах плоти, источаемый грубым мужским торсом, Фусако чувствовала, как каждый уголок его тела напоминает ей о неизбежном расставании. Она явственно понимала, что этим крепким объятием Рюдзи желает убедиться в самом факте ее существования.

Для Рюдзи этот поцелуй был смертью. Точно такой, как он придумал, смертью в любви. Необычайная гладкость женских губ, бесконечная влажность рта, ярко алеющего в сумраке, так что ощущаешь даже с закрытыми глазами, ее уста, похожие на теплое коралловое море, где водорослью колыхнется язык... Во всем этом темном блаженстве было нечто, ведущее его прямо к смерти. И даже тысячу раз зная, что завтра им расставаться, сейчас он готов был умереть за эту женщину. Обворожительная смерть пустила корни в его душе.

В это мгновение с центрального пирса донесся неясный пароходный гудок, наполнил окрестности. Он не заметил бы этого звука, не будь он моряком.

«В это время отходят сухогрузы. Интересно, чье судно закончило погрузку?» Он открыл глаза прямо посреди поцелуя.

И тогда ему показалось, что пароходный гудок разбудил в недрах его души до конца неведомую «благородную цель плавания». Что такое «благородная цель»? Может, это иное название тропического солнца?

Рюдзи оторвался от губ Фусако, порывшись в карманах. Она ждала. Он наконец достал из пачки погнутую сигарету, сунул в рот, собираясь прикурить, но Фусако сердито отняла у него зажигалку. Рюдзи приблизил к ней лицо с торчащей изо рта сигаретой.

— Не дам прикурить.

С легким металлическим щелчком Фусако высекла пламя и, глядя немигающим взглядом, подпалила сухой венчик ближайшей пальмы. Пламя вот-вот должно было перекинуться на цветок, да все не перекидывалось. Рюдзи напугала решимость, с которой действовала Фусако.

¹⁹ Насидзи — японская техника в декоративно-прикладном искусстве — добавление в лак крошечных кусочков металлической фольги, создающее на поверхности прихотливый мерцающий узор.

В это мгновение в свете пламени Рюдзи увидел на ее щеке одинокую слезу. Фусако погасила зажигалку. Он снова обнял ее и теперь, успокоенный видом женских слез, заплакал и сам.

Нобору с ненавистью ожидал маминого возвращения. Около десяти вечера раздался телефонный звонок. Вскоре к нему зашла домработница:

— Мама сказала, что сегодня заночует в другом месте. Передала, что утром зайдет домой, переоденется и отправится в магазин. Так что сегодня сам займись уроками. Ты ведь еще не все летнее задание выполнил.

Сколько он себя помнил, мать всегда ночевала дома. Несмотря на то что само по себе такое развитие событий не удивило Нобору, он вспыхнул от ярости. Ведь он с нетерпением гадал, какие сегодня из щели появятся откровения, какие ему покажут чудеса.

Выспавшись днем, он совершенно не чувствовал усталости.

Через несколько дней начинается новая четверть, а на столе высится стопка несделанного домашнего задания. Если завтра Рюдзи уедет, то мать наверняка поможет с уроками. А может, проведет ближайшие дни в апатии, и ей будет не до того. Если она и поможет, то осилит только родной язык, английский и рисование, ну, может, еще обществоведение. Что же до естественных наук и математики, то тут и просить бесполезно. И как она управляет магазином, совсем не разбираясь в математике? Наверно, управляющий Сибуя делает что хочет.

Он листал учебники, но его внимание ни на минуту не задерживалось на страницах. Мысль о том, что мать и Рюдзи сегодня ночуют в другом месте, заставляла его страдать.

Нобору то вставал, то садился, обходил тесную комнату. Что сделать, чтобы уснуть? Пойти к матери в комнату посмотреть на ночные мачтовые огни? Красные огни мерцают в ночи, а может, какое-то судно сейчас отходит и он, как вчера, услышит протяжный пароходный гудок?

В это мгновение Нобору услышал, как со стуком отворилась дверь спальни. Значит, мать обманула его и вернулась вдвоем с Рюдзи. Он поспешно, стараясь не шуметь, мягко выдвинул тяжелый ящик, с трудом удерживая его на руках, уложил на пол. От этих манипуляций он взмок.

Внезапно он услышал стук в дверь своей комнаты. Торопливо подбежал к двери. Нельзя, чтобы в этот час они увидели нелепо выдвинутый ящик. Он изо всех сил навалился на дверь. Ручка несколько раз провернулась с противным скрежетом.

— Что случилось? К тебе нельзя? — Голос принадлежал домработнице. — Что случилось? Ну ладно. Тогда гаси свет и ложись поскорее. Уже почти одиннадцать.

Навалившись на дверь, Нобору упрямо молчал.

Он и моргнуть не успел, как в замочную скважину вошел ключ, несколько раз повернулся и дверь оказалась запертой с другой стороны. Нобору даже не предполагал, что у домработницы есть запасной ключ. Он-то думал, что все ключи унесла с собой мать.

Рассерженный донельзя и взмокший, он с силой дернул ручку. Дверь не подалась. Слышно было, как скрипит под домработницей лестница, шаги удалились и стихли.

Разбилась еще одна отчаянная мечта Нобору — воспользоваться этим редчайшим шансом, чтобы выскользнуть из дому, прийти домой к Главарию и разбудить его, прошептав в окно пароль. Он возненавидел всех людей на земле. В дневнике появилась длинная запись. Ни одно из прегрешений Рюдзи не было забыто:

Преступления Рюдзи Цукадзаки

Пункт первый. Встретившись днем, улыбался мне подобострастно и раболепно.

Пункт второй. Будучи одет в мокрую рубашку, словно плебей, оправдался тем, что купался в фонтанчике в парке.

Пункт третий. Самовольно заночевал с матерью вне дома, бросив меня в ужасном положении.

Подумав, Нобору стер третий пункт. Он явно проигрывал перед безукоризненной и, значит, объективной оценкой первых двух. При внимательном рассмотрении субъективность третьего пункта говорила о незрелости самого Нобору, а не о преступлениях Рюдзи.

В бешенстве Нобору выдавил на зубную щетку целую гору пасты и драл десны, пока из них не пошла кровь, затем пришел в отчаяние, глядя, как из глубины зеркала из окутавшей неровные зубы бледно-зеленой пены торчат детские клыки. От ментолового запаха гнев его стал чистым.

Сбросив под ноги рубашку, Нобору надел пижаму, обвел взглядом комнату. Ящик комода по-прежнему лежал на полу.

Он приподнял его — теперь он казался тяжелее, чем когда он его вынимал. Ему в голову пришла идея, и он снова опустил ящик на пол. Привычным движением ловко скользнул в нишу.

В первое мгновение Нобору показалось, что щель законопатили. Эта мысль заставила его содрогнуться. Щели не было видно. Поискав на ощупь, он понял, что она на месте. Просто темнота по ту сторону не позволяла сразу ее обнаружить.

Нобору пристально вгляделся в щель. Значит, домработница заходила к матери закрыть жалюзи — вот почему стукнула дверь. Долго напрягая зрачки, он смог наконец разглядеть едва заметную полоску света на латунной кровати в новоорлеанском стиле. Свет был ничтожным и походил на плесень.

В остальном комната была непроглядной, словно нутро большого гроба, ее чернота, хранившая следы дневного жара, таила лишь разные оттенки мрака и наполнилась такой непроглядной темнотой, какой Нобору еще не видел.

Глава 8

Вчера они заночевали в скромной гостинице у моста Ямасита-баси. Будучи хорошо известной в Июкогаме, Фусако побоялась останавливаться в крупном отеле. Сотни раз проходя мимо этой гостиницы, она не думала, что когда-нибудь сама остановится в похожем на районную администрацию безвкусном двухэтажном здании с пыльным палисадником и виднеющейся сквозь стеклянную дверь унылой стойкой с календарем судоходной компании на стене.

Едва вздремнув, утром они расстались до отхода судна. Фусако — чтобы заглянуть домой, переодеться и идти в магазин, а Рюдзи — подменить первого помощника, пока тот ходит по магазинам, а потом до самого отхода руководить погрузкой.

Отход назначили на шесть вечера. Все эти дни стояла сухая погода, и погрузка уже четверо суток круглосуточно шла по графику. Дальше «Лоян», подчиняясь прихоти владельца груза, отправятся в бразильский порт Сантос.

Фусако ушла из магазина пораньше, в три часа. Зная, что Рюдзи не скоро теперь увидит женщину в кимоно, специально надела юката²⁰ из шелка тиримэн²¹, взяла зонтик от солнца с длинной серебряной ручкой и вместе с Нобору на машине отправилась в порт. Дорога была свободна, и примерно в четверть пятого их автомобиль уже стоял на пристани.

Краны и грузовики все еще теснились вокруг склада временного хранения, на стене которого черной плиткой было выложено «Третий городской», шатко двигалась грузовая стрела «Лояна». Фусако дожидалась в прохладном салоне автомобиля, пока Рюдзи закончит

²⁰ Юката — легкое летнее кимоно.

²¹ Тиримэн — разновидность японского шелка, схожего с крепом.

работу и спустится.

Нобору был нетерпелив. Выскочив из машины, отправился посмотреть, что происходит с обратной стороны лихтерной стоянки и складов.

Внутри склада под грязным зеленым металлическим каркасом грудились новые белые деревянные ящики, повсюду перехваченные черными пряжками и маркированные английскими буквами. При виде рельсов, теряющихся в залежах груза, Нобору ощутил одновременно радость и легкое разочарование — так бывает, когда, бредя вдоль хорошо знакомой реки, доберешься до истока.

— Мама! Мама!

Он подбежал к машине, забарабанил в окно. В фигуре у брашпиля «Лояна» он признал Рюдзи.

Захватив зонтик, Фусако вышла из машины. Встав рядом с Нобору, помахала Рюдзи рукой. Рюдзи в грязной рубашке и криво надетой морской фуражке поднял в приветствии руку, но тут же снова исчез с озабоченным видом. Нобору вдруг почувствовал необъяснимую гордость оттого, что Рюдзи работает и судно вот-вот отойдет.

Ожидая, когда он покажется вновь, Фусако раскрыла зонт и стояла теперь на улице, глядя на портовый пейзаж, разрубленный на части тремя швартовочными канатами «Лояна». Каждая черточка слишком ярко горящего в послеполуденном солнце ландшафта, словно морской солью, была изъедена глубокой саднящей грустью. Вплетенная в яркое пространство грусть наполняла монотонные удары складываемых железных листов и скрежет металлического троса.

Жар отражался от бетонной поверхности пирса. Не помогал даже слабый морской ветерок. Мать с сыном присели на край пристани, спиной к жаркому послеполуденному солнцу, и смотрели, как море пенисто гонит мелкие волны к каменным плитам в белых, словно плесень, крапинках. Пришвартованные на лихтерной стоянке суда разом придвигались, покачиваясь, и тут же отступали. В грязной воде плавали бревна, и одно, особенно гладкое и блестящее, тоже надвигалось и отступало в такт колыбаниям волн.

Отражающая солнце сверкающая поверхность моря переплеталась с яркой синевой небес, складывалась в монотонный узор, заполнявший все поле зрения.

Нобору вслух комментировал, как марки осадки на носу «Лояна» взбираются от лежащей почти у воды отметки 60, пересекают ватерлинию между 84 и 86 и, наконец, достигают 90 около якорного клюза.

— Неужели вода дотуда доходит? Вот кошмар! — восклицал Нобору с нарочито детской интонацией, прекрасно улавливая настроение матери и угадывая в фигуре, пристально глядящей в море, сходство с одинокой обнаженной женщиной перед зеркалом; мать не ответила.

На другом берегу высились кварталы Накаку со стелющимся серым дымом и полосатой Морской Башней. Море было усеяно лесом белых мачт. Над ними, высвеченные послеполуденным солнцем, висели ослепительные кучевые облака.

Из-за «Лояна» показался лихтер, который закончил погрузку и отделился от борта, усиленно подталкиваемый паровым буксиром.

Рюдзи сошел с судна только в шестом часу. Уже был готов к поднятию трап с натянутой серебристой цепью.

Портовые грузчики в желтых шлемах гурьбой спустились по трапу, уселись в автобус с надписью «НКо. Портовые Операции» и укатили. Уже уехал восьмитонный портовый кран. Погрузка закончилась. И сразу появился Рюдзи.

Фусако и Нобору бросились к нему, догоняя длинные тени. Рюдзи придавил ладонью кепку Нобору и рассмеялся, глядя, как тот скусился под наехавшим на глаза козырьком. От работы Рюдзи делался веселым.

— Вот и пора прощаться. Во время отхода я буду на корме. — Он указал пальцем на длинную корму судна.

— Я надела кимоно. Подумала, ты какое-то время его не увидишь.

— Разве что на японских туристках в Америке.

Говорить было на удивление не о чем. Фусако хотела сказать о своем предстоящем неминуемом одиночестве, но не стала. Словно мгновенно потемневшая надкушенная белая яблочная мякоть, их расставание началось три дня назад, в момент встречи на этом судне. А значит, в ощущении разлуки в действительности не было никакой новизны.

Ну а Нобору... Нобору под маской ребячества нес караул, зорко охраняя безупречность этой ситуации в целом. Охранять было его миссией. Чем быстрее пройдет время, тем лучше. Тем меньше пострадает безупречность.

Сейчас Рюдзи — мужчина, расстающийся с женщиной, чтобы отправиться на другой конец земли, моряк, второй помощник — являл собой совершенство. Как и мать. Мать — оставляемая женщина, словно красивая парусина, раздуваемая ветряными радостными воспоминаниями и грустью расставания, — тоже была совершенна. И неважно, что в эти два дня они допускали промахи, — главное, нынешнее мгновение было безупречным. Нобору опасался лишь того, что Рюдзи ляпнет какую-нибудь глупость. Из-под низко надвинутого козырька он поочередно наблюдал за их лицами.

Рюдзи хотел поцеловать женщину, но не мог — стеснялся Нобору. Словно умирающий, он желал быть одинаково добр со всеми. Ему хотелось как можно скорее раствориться в ощущении несоизмеримой важности чужих чувств и воспоминаний перед его собственным не таким уж важным существованием.

Фусако старалась не томиться ожиданием прощания. Она злилась на мужчину, являвшего собой пример твердости человека, оказавшегося на своем месте, занятого профессиональными обязанностями. Он казался строго очерченным и не желал выйти за пределы своего контура. Вот бы его контур был расплывчатым, похожим на облако. А так, разве ее память в состоянии сохранить это слишком твердое упрямое тело? И эти излишне резкие брови, и широкие плечи...

— Пишите нам письма. С красивыми марками, — Нобору прекрасно справлялся со своей ролью.

— Ага. Буду отправлять из портов. И вы пишете. Письма — главная отрада моряка.

Он извинился — пора готовиться к отходу. Все по очереди пожали друг другу руки. Рюдзи поднялся по серебристому трапу, оглянулся с верхней ступени и помахал фуражкой.

Солнце медленно катилось в сторону складских крыш, небо на западе полыхнуло, ярко высветив белый капитанский мостик. Крылья перелетающих с места на место чаек были темными, Нобору видел только их подсвеченные солнцем яркие как желток перепончатые лапы.

Часть автомобилей покинули причал, открыв путь послеполуденному солнцу. Вокруг стояла полная тишина. Кое-где виднелись крошечные фигурки матросов — один протирал высоченные перила, другой, с повязкой на глазу и с банкой в руках, красил раму иллюминатора. В какой-то момент на вершину мачты взмыл флаг, поднялись по диагонали синие, белые, красные сигнальные флажки.

Фусако и Нобору медленно направились по причалу в сторону кормы.

На складе уже опустился голубовато-зеленый ставень, длинную унылую стену пересекала крупная надпись «Не курить» и небрежно начертанные черно-белые названия портов — Сингапур, Гонконг, Лагос. Покрышки, мусорные баки и выстроенные в ряд грузовики отбрасывали длинные тени.

Вверху на корме пока никого не было. Слышно было, как с печальным всхлипом откачивается вода. На борту крупно выделялась надпись «Берегись работающих винтов». На реющем на ветру муслиновом японском флаге лежала тень от кат-балки.

Почти в четверть седьмого резко прозвучал первый гудок. В этот момент Нобору понял, что позавчерашнее ночное видение правдиво и он сейчас стоит там, где конец мечты сходится с началом. В тот же миг рядом с японским флагом показался силуэт Рюдзи.

— Попробуй его позвать, — сказала Фусако.

Нобору крикнул, как только смолк гудок, и тут же возненавидел свой писклявый голос. Глянув вниз, Рюдзи легонько махнул рукой. Расстояние не позволяло разглядеть выражение его лица. Как и тогда, в лунном свете, он обернулся в сторону пароходного гудка, в сторону своего долга, и больше он сюда не посмотрит.

Фусако невольно глянула на нос судна. Трап был поднят, полностью отрезав берег и судно друг от друга. Зелено-кремовый борт казался лезвием гигантского топора, обрушившегося с небес и отрезавшего корабль от суши.

Труба изрыгнула дым. Чистый в своей черноте, он с упорством пачкал бледно-синее небо. Палубу облетел голос из мегафона:

— Приготовиться поднять якорь.

— Подтянуть якорь.

Еще один тихий пароходный гудок.

— Поднять якорь.

— Есть.

— Пошел! Отдать носовой конец! Отдать кормовой конец!

Фусако и Нобору наблюдали, как «Лоян», подталкиваемый с кормы буксирами, медленно отделяется от причала. Блестящая полоска воды между пристанью и судном раскрывалась словно веер, и, пока они провожали взглядом блеск золотых галунов белой рубашки Рюдзи на капитанском мостике, «Лоян» на глазах изменил направление, встав к причалу почти под прямым углом.

По мере того как ежесекундно менялся градус угла, судно трансформировалось в сложные, причудливые образы. Казавшееся таким длинным у причала, по мере удаления подталкиваемой буксирами кормы оно складывалось, словно створчатая ширма, при этом всевозможные палубные надстройки двоились и наслаивались друг на друга, а солнечные лучи, тщательно прорезавшие каждый контур, придавали ему оживленную многослойность средневекового замка.

Однако уже через миг буксиры, чтобы развернуть судно носом к морю, описали крюк и стали толкать корму в сторону берега. Причудливо сложившееся судно снова развернулось, фрагмент за фрагментом, начиная с носа, принимая привычный вид, а исчезнувшая из виду фигура Рюдзи, крошечная, размером со спичку, вместе с японским флагом показалась на корме, вновь развернутой к берегу и сияющему закату.

— На буксире, прими конец! — Морской ветер отчетливо доносил усиленный мегафоном голос.

Буксиры отделились от «Лояна».

Судно остановилось и трижды погудело. На некоторое время в воздухе застыла тревожная тишина и неподвижность, словно и Рюдзи на судне, и Фусако с Нобору на пристани оказались в пространстве, лишенном времени.

Наконец «Лоян», раскачав всю акваторию порта и проникнув тревожными гудками куда только можно: в кухни, где готовились ужины, в спальни крошечных гостиниц со вчерашними простынями, в пустующие школы, теннисные корты, на кладбища, — разразился гигантским прощальным ревом, безжалостно разбивающим сердца даже тех, кто не был к нему причастен. В облаке белого пара судно направилось прямо в открытое море. Фигура Рюдзи потерялась из виду.

Часть 2 Зима

Глава 1

В девять утра тридцатого декабря Фусако в одиночестве встречала Рюдзи у пограничного поста центрального причала Син-Минато.

Пейзаж Син-Минато отличался какой-то особенной невыразительной чистотой. Слишком узкие улицы, облетевшие платановые аллеи, редкие прохожие, старомодные складские здания из красного кирпича с офисами в псевдоренессансном стиле. Между ними, сплевывая черный дым, движется по рельсам допотопный локомотив. Крошечный, словно ненастоящий, шлагбаум дополнял ощущение «игрушечности». Причина нереальности этого квартала, несомненно, таилась в том, что весь он был подчинен навигации, каждый его кирпичик безраздельно принадлежал морю. Море упростило его, сделало абстрактным, а он, в свою очередь, утратив земную реальность, стал сродни морскому простору.

Шел дождь. Старые складские кирпичи от воды становились еще краснее. Мокрые мачты пронзали крыши.

Не желая бросаться в глаза, Фусако ждала в машине. Сквозь стекло со струями дождя было видно, как из убогого деревянного здания таможни один за другим выходят моряки.

Рюдзи, подняв воротник темно-синего бушлата и низко надвинув форменную фуражку, подхватил старый громоздкий чемодан и, нагнувшись вперед, шагнул в дождь. Фусако мигом отправила к нему старого шофера.

Рюдзи нырнул в машину, пытаясь кое-как затолкать свой вымокший на дожде багаж.

— Приехала. Все-таки приехала, — задохнулся он, коршуном вцепившись в плечо ее норкового манто.

Его щека, еще более смуглая, чем раньше, мокрая то ли от дождя, то ли от слез, судорожно скривилась. У Фусако, напротив, кровь отлила от волнения, лицо ее побелело, как будто в сумрачном салоне автомобиля опустили окно. Они плакали, целуясь. Рюдзи скользнул рукой под ее пальто, словно проверяя, теплится ли жизнь в ее теле, торопливо ощупывал повсюду, обнимал обеими руками мягкий и гибкий стан, воскрешал в памяти целостный образ Фусако.

Он знал, что до ее дома минут шесть или семь езды. Только на мосту Ямасита-баси они наконец смогли завести более или менее внятный разговор:

— Спасибо за гору писем. Я их по сто раз перечитывал.

— И я... Новый год встретишь у нас?

— Ага... А что Нобору?

— Хотел ехать встречать, но простыл. Да нет, простуда несерьезная, температура тоже не...

Без всякого усилия они вели незатейливую беседу сухопутных жителей. В разлуке такие разговоры представлялись им затруднительными или, хуже того, невозможными — казалось, не удастся протянуть к ним ниточку от того лета. Прошое ушло, описав безупречный круг. Они боялись, что во второй раз их вышвырнут из этого сияющего круга, даже не позволив войти. Разве жить — это так же просто, как спустя полгода надеть пиджак, что оставил висеть на гвозде?

Слезы радости смыли тревогу, придав им ощущение силы. Душа Рюдзи словно застыла, он совсем не чувствовал тоски по родным местам. Парк Ямасита раскинулся вдоль дороги, и Морская Башня, именно такая, какой он множество раз ее представлял, виднелась над кронами деревьев. И только дождевая дымка смягчала чрезмерную очевидность пейзажа, слегка приближая его к образам, живущим в воспоминаниях, тем самым лишь усиливая чувство реальности. Он привык, сходя на берег, некоторое время ощущать неустойчивое покачивание окружающего мира, однако никогда еще он не чувствовал себя как сегодня — элементом головоломки, вставленным в дружелюбное, знакомое и близкое пространство.

После моста Ямасита-баси автомобиль свернул направо, к каналу, усеянному серыми, залитыми дождем лодками, и тут же начал взбираться на холм у французского консульства. Беспорядочные тучи расступились, открыв свет высоко в небе, дождь заканчивался. Автомобиль взобрался на холм. Проехали парк. С Ятодзака-дори свернули налево, в узкую аллею и остановились у ворот дома Курода. Мокрая от дождя, узкая каменная мостовая постепенно начинала светлеть. Старый шофер раскрыл над Фусако зонт, надавил на дверной звонок.

Вышла прислуга, Фусако велела зажечь свет — в прихожей было темно. Перешагнув низкий порог, Рюдзи ступил в полумрак.

На мгновение его охватило странное чувство неуверенности.

Казалось бы, вместе с этой женщиной он вступает в по-прежнему сияющий круг. И все же было какое-то отличие, невыразимое словами. Несмотря на то что и во время их прощания на причале в конце лета, и в последующих письмах женщина старательно избегала взаимных клятв и намеков на будущее, оба они явно желали вернуться из летних объятий в одну и ту же точку. Но Рюдзи, торопясь чувствовать, не обратил внимания на странное, неприятное ощущение. Он так и не заметил, что входит в совершенно другой дом.

— Ужасный ливень, — произнесла Фусако, — но вот-вот кончится.

В это мгновение в коридоре зажглось электричество, осветив тесную прихожую с полом из мрамора с острова Рюкю и зеркалом в венецианском стиле.

В гостиной ярко горели дрова в камине, на самбо²², выставленной папоротником, высилась пирамидка из рисовых лепешек²³. Домработница внесла чай и тепло поприветствовала Рюдзи:

— С возвращением! Все вас очень ждали.

Облик гостиной изменился — повсюду виднелись вышивки Фусако, на полке появился теннисный кубок.

Фусако рассказывала по порядку. После отъезда Рюдзи она еще сильнее увлеклась теннисом и родзаси²⁴. По выходным, а иногда и по будням, ходила в теннисный клуб в Мёкодзи-дай, а вечерами брала в руки пальцы. В ее вышивках стало больше морских сюжетов. Черные корабли²⁵ с ширм «нанбан»²⁶, подушки с изображением старинных штурвалов — всего этого не было летом. А кубок она буквально на днях завоевала в предновогоднем женском парном турнире. Помимо прочего, этот кубок как бы символизировал скромное целомудрие оставленной на берегу Фусако.

— Ничего хорошего не происходило. В твоё отсутствие, — произнесла она.

Фусако рассказала ему о том, как думала с досадой: ну вот, совсем не собиралась ждать, но начала, как только он уехал. Стараясь позабыть его, она с головой ушла в работу, занялась клиентами, а после их ухода в тишине магазина вдруг слышала журчание фонтана в патио. И этот звук ошеломил ее. Оказалось, что в это самое мгновение она уже ждет и считает дни до их встречи...

Теперь она могла говорить красноречиво, не сдерживаясь, не то что раньше. Во многом манера все новых и новых писем уже сама по себе давала ей немыслимую свободу.

Рюдзи тоже мог теперь говорить вольнее, чем раньше, стал более дружелюбным. Эта перемена началась с ним в тот момент, когда в Гонолулу он получил первое письмо от Фусако. Он стал заметно легче в общении и даже с удовольствием травил байки в кают-компании. Вскоре офицеры «Лояна» вывели подробности его любовной истории.

— Навестишь Нобору? Мальчик так ждал встречи с тобой, всю ночь не спал.

Рюдзи незамедлительно поднялся. Он, уже вне всякого сомнения, был здесь

²² Самбо — в синтоизме небольшая деревянная подставка для жертвоприношений.

²³ Пирамидка из рисовых лепешек (по-японски «кагамимоти») — традиционное новогоднее украшение.

²⁴ Родзаси — традиционная японская техника вышивания.

²⁵ Черные корабли (куробунэ) — японское название иностранных судов, пришедших для «открытия» Японии в конце периода Эдо, которое они получили за то, что пускали много черного пара.

²⁶ Нанбан (букв. «южные варвары») — изображение на ширмах испанских, португальских и итальянских моряков, приплывавших к берегам Японии в XVI—XVII вв.

нетерпеливо всеми ожидаем и любим.

Достав из чемодана сверток с подарком для Нобору, он последовал за Фусако вверх по темной лестнице, по которой однажды уже поднимался на ватных ногах в их первую ночь на исходе лета. На этот раз он ступал твердой походкой своего в доме человека.

Нобору слышал приближающиеся шаги на лестнице. В напряженном ожидании он замер в кровати, но, кажется, они отличались от тех, что он с таким нетерпением ждал.

В дверь постучали, и она широко распахнулась. Нобору увидел маленького крокодила. Солнце на прояснившемся небе наполнило комнату похожими на водяные струи лучами, и всплывший у дверного косяка крокодил на миг показался живым — парящие в воздухе напрягшиеся лапы, разинутая пасть, блестящие красные глаза.

«Интересно, используют ли для гербов живые существа?» — возникла мысль в его затуманенном лихорадкой мозгу. «Рюдзи однажды рассказывал об атоллах, как они не пускают большие волны из океана, и поэтому внутри их, в коралловом море, словно в неподвижном пруду, нет ни единой волны, и только вдалеке видны белые, похожие на призраки, пенные барашки. Моя головная боль, уже не такая сильная как вчера, словно волны, разбивается по ту сторону атоллов», — думал Нобору, крокодил был гербом его головной боли. Болезнь наложила на мальчишеское лицо строгий отпечаток.

— Гляди-ка, тебе подарок.

Рюдзи, поддерживавший крокодила, показался из-за двери. В сером свитере с высоким воротом, загорелый до черноты.

Представляя момент их встречи, Нобору заранее решил, что не станет притворно улыбаться, и под предлогом болезни успешно сохранил надутое выражение.

— Странно. Ты же так ждал. Опять температура? — озабоченно спросила мать. Никогда еще она не выглядела в глазах Нобору таким ничтожеством.

— Это чучело, — ничуть не обескураженный, Рюдзи положил крокодила у подушки, — работа бразильских индейцев. Самых настоящих. На праздник они надевают украшения из перьев и чучела таких вот детенышей крокодилов. А еще вешают на лицо три круглых зеркальца. В зеркалах отражается огонь костра, и они выглядят как настоящие трехглазые послушники²⁷. На шее зубы леопарда, на поясице леопардовая шкура. На спине колчан со стрелами, а в руках красивый разноцветный лук... Так что это не просто чучело детеныша крокодила, а часть настоящего праздничного убора.

— Спасибо!

Односложно поблагодарив, Нобору погладил небольшой бугорок на крокодилийей спине, усохшие лапы, заметил в уголках красных стеклянных бусин-глаз пыль залежалого в бразильской глухомани товара, заново перебрал только что сказанные слова Рюдзи.

Жаркая и влажная смятая простыня. Душная от печи комната. На подушке ошметки кожи, содранные с пересохших губ. Перед приходом Рюдзи он как раз потихоньку их обдирал. Переживая, что из-за крошечных отслоений губы теперь выглядят слишком красными, он невольно бросил взгляд в сторону комода с целью. Взглянул и тут же подумал, что все пропало. Что, если взрослые, проследив за его взглядом, подозрительно уставятся туда?! Нет, все в порядке. Взрослые гораздо менее внимательны, чем он предполагал. Знай себе покачиваются внутри своей безразличной любви.

Нобору внимательно оглядел Рюдзи. Загоревшее на тропическом солнце лицо выглядело еще мужественнее, густые брови и белые зубы смотрелись даже привлекательнее, чем раньше. Однако в его пространной тираде о крокодиле звучала некая нарочитость, попытка придать правдоподобие фантазиям Нобору, она напоминала лесть преувеличенно эмоциональных писем, которые иногда Нобору писал ему. В этом повторно встреченном

²⁷ Трехглазый послушник — оборотень с видящим насквозь третьим глазом на лбу из японских народных сказок.

Рюдзи угадывалась подделка под другого Рюдзи, первого. Не сдержавшись, Нобору невольно произнес вслух:

— Подделка какая-то.

Но Рюдзи не понял и наивно возразил:

— Эй, не шути так. Это потому что мелкий? Так ведь крокодилы в детстве маленькие. Сходи в зоопарк.

— Нобору, будь вежливым. Покажи лучше свой кляссер.

Прежде чем Нобору успел протянуть руку, мать развернула перед Рюдзи кляссер, куда он аккуратно вклеивал марки с писем Рюдзи, присланных со всего мира.

Мать сидела перед окном лицом к свету, листала страницы, Рюдзи заглядывал сверху, облокотившись о спинку стула. Нобору подумал о том, какие у них обоих красивые носы. Тусклый свет прояснившегося зимнего неба приятно освещал безупречные профили этих двоих, уже позабывших о существовании Нобору.

— Когда теперь снова в море? — внезапно спросил Нобору.

Мать обернула к нему испуганное лицо, и он увидел, как она побледнела. Этот вопрос для Фусако, несомненно, был самым насущным и одновременно самым пугающим.

Рюдзи нарочно не спешил повернуть лицо от окна. Чуть сузив глаза, он медленно произнес:

— Пока не знаю.

Его ответ стал ударом для Нобору. Фусако молчала, напоминая закупоренную маленькой пробкой бутылку с пенящимися в ней разнообразными эмоциями. На лице застыла идиотская женская гримаса — не поймешь, то ли она несчастна, то ли счастлива. Мать выглядела как прачка.

Немного помедлив, Рюдзи спокойно добавил еще кое-что. И в этой то ли лжи, то ли правде звучало милосердие мужчины, уверенного в собственной силе влиять на чужую судьбу:

— В любом случае погрузка займет все праздники.

Как только мать и Рюдзи вышли из комнаты, Нобору, багровый от злости, закашлялся, выхватил из-под подушки дневник и написал:

Преступления Рюдзи Цукадзаки

Пункт третий. На вопрос «Когда снова в море?» вопреки ожиданиям ответил: «Не знаю».

Нобору отложил ручку и задумался, но потом, разозлившись еще больше, дописал:

Пункт четвертый. Его возвращение. Само по себе, как таковое.

Затем устыдился своего гнева. Он ведь тренируется «ничего не чувствовать». Нобору несколько раз ударил себя, внимательно вслушался в ритм собственного сердца и, убедившись, что в нем не осталось ни капли гнева, перечитал третий и четвертый пункты. Тем не менее он не нашел необходимости хоть что-то в них изменить.

В этот момент из соседней комнаты донесся неясный звук. Похоже, мать там. И Рюдзи тоже... А он не заперт на ключ. От следующей мысли сердце Нобору забило сильнее. Как в незапертой комнате в этот утренний час незаметно и как можно скорее тихо выдвинуть ящик комода и забраться в нишу?

Глава 2

Фусако в подарок досталась дамская сумочка из кожи броненосца. Странную вещицу с болтающейся, похожей на мышиную, головой, грубой застежкой и швами Фусако носила с удовольствием, хвасталась ею в магазине, заставляя хмуриться управляющего Сибую.

Последний день уходящего года они провели в разлуке — в «Рексе» было полно работы, а Рюдзи не смог отвертеться от вечерней вахты. Такое расставание на полдня казалось теперь естественным.

Фусако вернулась из магазина уже после десяти вечера. Рюдзи помогал убирать дом, и вместе с Нобору и прислугой они управились гораздо быстрее, чем в прошлые годы. Словно во время аврала, Рюдзи деловито раздавал указания, а Нобору, у которого только сегодня утром упала температура, радостно их выполнял.

Рюдзи в свитере с засученными рукавами и с обмотанной полотенцем головой и Нобору с таким же полотенцем и румянцем во всю щеку. К приходу Фусако они как раз закончили уборку на втором этаже и спускались по лестнице с ведрами и тряпками наперевес. Фусако взирала на них одновременно с изумленной радостью и тревогой за Нобору.

— Ничего. Поработает да попотеет — всю простуду как рукой снимет. — Грубоватые слова Рюдзи были хоть и резкими, зато очень «мужскими», давно не слышанными в этом доме. Даже старые опоры и стены, казалось, мгновенно встали по стойке «смирно».

Провожая старый год, вся семья за лапшой под гул предновогоднего вечернего колокола слушала повторяемую из года в год историю домработницы:

— Помню, мой бывший хозяин, господин Макгрегор, под Новый год собрал гостей, и ровно в двенадцать они как давай целоваться. И ко мне — щечка к щечке — приклеился бородатый ирландский джентельмен...

Едва оказавшись в спальне, Рюдзи обнял Фусако. При первых признаках рассвета он ребячливо предложил: «А давай встретим восход в парке?» Неожиданно для себя Фусако поддалась его сумасшедшей идее.

Они торопливо натянули все, что могли. Фусако на колготки надела рейтузы, а поверх кашемирового свитера натянула еще один роскошный датский лыжный свитер. Рюдзи накинул ей на плечи бушлат, и, крадучись, они вышли на улицу.

Предрассветный воздух приятно охлаждал разгоряченные тела. По пустынному парку они бежали навстречу брезжившему рассвету, хохотали до упаду, гонялись друг за дружкой в кипарисовой роще, старательно дышали, соревнуясь в яркой белизне идущего изо рта пара. Их губы, уставшие за ночь, словно покрылись изнутри тонкой коркой льда.

Они подошли к глядящему на порт парапету уже в седьмом часу. Венера сдвинулась к югу, светящиеся окна домов, складские фонари, мигающие красные и зеленые бортовые огни стоящих в море кораблей были по-прежнему яркими, вращающийся снап маяка Морской Башни все еще четко врезался в сумрак парка, но контуры домов уже проступили, а на востоке пробивался в небе пурпур.

Качающий ветки кустов холодный ветер донес к ним далекий и неясный, трагичный и прерывистый, первый в этом году петушиный крик.

— Пусть этот год будет хорошим, — вслух помолилась Фусако.

Она подставила лицо ветру, и Рюдзи чмокнул ее в губы.

— Этот год будет хорошим. Само собой.

Красные огни пожарной лестницы одного из зданий постепенно соприкоснулись с границей медленно обретающей очертания водной глади, и Рюдзи почудилось в них что-то болезненное. В мае ему исполнится тридцать четыре года. Самое время завязать с затянувшимися фантазиями. Понять, что в мире не существует предназначенной лично для него славы. Пусть тусклые складские фонари под первыми невнятно-серыми лучами противятся пробуждению, но Рюдзи пора избавляться от иллюзий.

Даже в первый день нового года порт полнится звуками. От лихтерной стоянки с глухой дробью отходит плоскодонная баржа.

Огни стоящих в море судов постепенно бледнеют по мере того, как четко

проступающая водная поверхность окрашивается багрянцем. 6:25. Разом гаснут фонари в парке.

— Не холодно? — в сотый раз спросил Рюдзи.

— У меня даже десны замерзли. Ничего. Скоро солнышко встанет.

Подобно тому как снова и снова он спрашивал Фусако, не холодно ли ей, Рюдзи бесчисленное количество раз задавал себе вопрос: «Неужели правда бросишь? Откажешься от темного хмеля, в который неизменно ввергают тебя волны океана и необычайная качка? От великолепия разлуки? От песни? От всего, что в изоляции от мира еще больше делает тебя мужчиной.

Таящаяся в груди жажда смерти. Далекая слава и далекая смерть. Все „далекое“, навсегда „далекое“. Бросишь ли ты все это?! Бросишь безоблачную свободу, где душа, касаясь извивов темных волн и священного света облачной кромки, исказилась и воспарила, так что уже не отличить самых благородных чувств от самых подлых, а все заслуги и провинности спишет море?!»

С другой стороны, на протяжении всего рейса Рюдзи внимательно вслушивался в то, как опостылела ему жалкая и скучная морская жизнь. Он распробовал ее и был уверен, что в ней не осталось ни одного неизведанного им вкуса. Взгляни! Славы нет нигде. Нигде в мире. Ни в Северном полушарии, ни в Южном, ни под Полярной звездой, ни под Южным Крестом, что покровительствует морякам!

Четко обозначилась причудливая водная гладь, стыдливо заалели небеса под аккомпанемент долгого петушиного крика, окутанные туманом контуры портовых судов и потухшие фонари теперь напоминали призраков. К тому моменту, когда в небе загорелось неясное зарево и стали видны колыхающиеся и заволакивающие море гряды облаков, пространство парка позади них отчетливо расступилось, хвостатый луч Морской Башни погас, и она теперь угадывалась только по резким красно-зеленым всполохам.

Замерзшие, они навалились на парапет и в обнимку топтались на месте. Холод ощущался не столько на открытом ветру лице, сколько пробирал снизу от ступней.

— Уже скоро, — произнесла Фусако, слышав внезапный птичий щебет.

Рюдзи смотрел в ее белое лицо с топорщащимся от холода пушком на верхней губе и думал о том, как красиво горит на нем красная помада, которой она второпях мазнула губы перед выходом.

Почти одновременно справа, высоко в светло-чернильном небе обозначился смутный красный контур. Через мгновение солнце превратилось в четкий алый круг, пока еще тусклый, так что можно было смотреть не щурясь, похожий на красную полную луну.

— Хороший год. И этот первый рассвет вместе. Кстати, это вообще первый рассвет, который я встретила в жизни. — Холод искажал тембр голоса Фусако.

Рюдзи решительно крикнул твердым голосом, как если бы он стоял зимой на палубе против северного ветра:

— Выйдешь за меня?

Но она все равно переспросила. Разозлившись, Рюдзи сказал то, о чем мог и промолчать: — Я говорю, выйдешь за меня? Возможно, я всего лишь ничтожный моряк, но не пустой человек. Можешь смеяться, но у меня на счете два миллиона иен. Я тебе покажу потом чековую книжку. Это все мое имущество. Хочешь ты того или нет, но все его я отдаю тебе.

Его наивные слова тронули женское сердце сильнее, чем Рюдзи мог предположить. Фусако разрыдалась от счастья.

Теперь уже глазам Рюдзи было больно смотреть на набирающее сияние солнце. Прозвучал пароходный гудок, тут же вмешался автомобильный гул, нескончаемые портовые звуки постепенно набирали силу. Линия горизонта затуманилась и исчезла, а плавающее в красной дымке солнце уронило свое отражение в воду прямо под ними.

— Я согласна. Хотя думаю, нам следует многое обсудить. Нобору, моя работа...

Можно сразу одно условие? Этот разговор... если ты опять планируешь сразу идти в море... думаю, было бы сложно...

— Сразу не планирую. А может, уже и не... — Тут Рюдзи запнулся.

Несмотря на то что более европеизированного дома, чем у Фусако, было не сыскать во всей Японии, она твердо чтит новогодние традиции и в первый день нового года непременно подавала тосо²⁸ и накрывала традиционный стол в по-европейски обставленной столовой. Когда Рюдзи, не сомкнув всю ночь глаз и умывшись из первого новогоднего ведра²⁹, зашел в столовую, ему показалось, будто он попал в консульство какого-нибудь скандинавского портового городка. Иногда офицеров сухогрузов, которых Новый год застал в чужом порту, приглашали на вечеринки в консульства, где в таких же по-европейски ярких залах их ожидали бутылочки тосо, деревянные чашечки для сакэ на лаковой подставке-макиэ³⁰ и дзюбако³¹ с разнообразными закусками.

Тут же стоял Нобору в красиво повязанном галстуке, все обменивались поздравлениями. Когда дошло до тосо, Нобору, всегда первым получавший сакэ, привычно потянулся за чашечкой, но встретил укоризненный взгляд матери.

— Странно. Неужто Цукадзаки-сан станет пить из самой маленькой рюмки? — произнес Нобору с нарочитым удивлением в голосе, чтобы хоть как-то скрыть смущение.

Говоря это, он внимательно наблюдал, как Рюдзи первым получает сакэ и подносит к губам чашечку с цветком сливы, кажущуюся совсем крошечной в грубой крупной ладони. Красная чашечка-макиэ с полупрозрачным узором смотрелась неуместно в привыкших к канатам пальцах.

Закончив ритуальное осушение чаши, Рюдзи без напоминания Нобору приступил к рассказу об урагане в Карибском море:

— Во время качки даже риса не сварить. И все равно варят и лепят онигири³². Стол в кают-компании убирают — на него даже чашку не поставишь, — устраиваются на полу по-турецки и лопают кто как может. Но тот ураган в Карибском море был настоящим кошмаром. «Лоян» и купили-то у иностранцев уже не новым, да и судно старое, двадцать лет почти, так что чуть серьезный шторм — сразу дает течь. Из заклепок в днище так и хлестало. Тогда все как один — в тот момент среди нас не было ни офицеров ни матросов — мокрые словно мыши вычерпывали воду, укладывали изоляцию, прилаживали ящики с цементом и спешно заливали раствор. В переборку била волна, отключалось электричество, и нас бросало во мрак, но нам некогда было бояться... Да. Сколько лет хожу в море, а шторм не люблю. Каждый раз кажется, что это конец. Вот и накануне того урагана закат был уж очень яркий, прямо пожар, темновато-красный, а на море полный штиль... Странное было предчувствие...

Зажав уши руками, Фусако закричала:

— Ужас! Ужас! Прекрати.

Нобору подумал, что слишком уж театрально выглядит подобная реакция на

²⁸ Тосо — новогоднее сладкое сакэ с лекарственными травами.

²⁹ В Японии существует новогоднее поверье, что вода, набранная из колодца в первый день года (по-японски «вакаmidзу»), защищает от лиха.

³⁰ Макиэ — лаковая роспись, обрызганная золотой и серебряной пылью на подставках, шкатулках или ширмах.

³¹ Дзюбако — многоярусная лаковая коробка для новогоднего стола.

³² Онигири — рисовые колобки, обычно с начинкой, завернутые в лист сушеной морской капусты.

приключенческую историю, явно предназначенную ему, Нобору. Да еще с зажатыми ушами. Или же история изначально предназначалась матери?!

При мысли об этом Нобору стало не по себе. В привычном морском рассказе Рюдзи ему почудились странные нотки.

Нотки корабейника, который, опустив на землю заплечную поклажу и расстелив полотно, грязными руками перебирает красочные товары — ураган в Карибском море, виды Панамского канала, тонущий в красной пыли праздник в бразильской глуши, грозовые тучи, мгновенный тропический ливень, пронзительные крики ярких попугаев под темными небесами...

Глава 3

«Лоян» ушел пятого января. Но Рюдзи не отправился вместе с ним, он по-прежнему гостил в семье Курода.

«Рекс» открылся шестого. Фусако, радостная, что «Лоян» ушел без Рюдзи, около полудня отправилась в магазин, где ее поздравили служащие и управляющий Сибуя. За время праздников от поставщика английских товаров пришли накладные на несколько дюжин наименований. «Рекс и Ко, Лтд, Йокогама. Заказ № 102-Б». Название судна — «Эльдорадо». Груз — две с половиной дюжины мужских пуловеров и жилетов, полторы дюжины брюк 34-го, 38-го и 40-го размера общей суммой 82 500 иен — с десятипроцентной комиссией выходит 90 750 иен...

Если придержать товар на месяц, то прибыль в 50 000 обеспечена. Ведь часть его доставлена под заказ постоянных покупателей, так что как минимум половина обернется сразу. Значит, можно смело придержать, цена не упадет — в этом преимущество английских вещей, отобранных поставщиком. К тому же партнер сам назначает розничную цену, а это выгодно.

К Фусако зашел управляющий Сибуя со словами:

— Двадцать пятого числа ярмарка весенних и летних коллекций фирмы «Джексон». Нам прислали приглашения.

— Угу. Опять состязаться с токийскими универмагами. С этими слепцами.

— Они сами не носили хороших вещей, вот и не знают, что к чему.

— Это уж точно.

Фусако сделала пометку в настольном ежедневнике.

— Завтра мы с вами едем в Министерство международной торговли и промышленности, верно? Чиновник молодой. Я буду только улыбаться, вся надежда на вас.

— Слушаюсь. Кстати, у меня там приятель на высоком посту, из старой гвардии.

— Вы говорили. Это на пользу.

С учетом вкусов новых клиентов «Рекс» заключил эксклюзивный договор с нью-йоркским магазином мужской одежды «Таун эн Кантри» и уже получил аккредитив, но вопрос с заявкой на разрешение импорта предстояло решать самостоятельно.

Фусако окинула взглядом жилет из верблюжьей шерсти на стройной импозантной фигуре старика управляющего:

— Кстати, как ваше здоровье, Сибуя-сан?

— Оставляет желать лучшего. Невралгия, наверное, все тело болит.

— Вы были у врача?

— Нет, как раз были праздники.

— Но ведь вы еще в конце года себя плохо чувствовали?

— В конце года было не до врачей.

— Лучше поскорее пройти обследование. Если вы сляжете, я буду как без рук.

С вежливой улыбкой управляющий ощупал белоснежной рукой в пигментных пятнах туго повязанный галстук, нервно поправил узел.

В открытую настежь дверь заглянула продавщица объявить о приходе Ёрико Касуга.

— Опять натурные съемки?

Фусако спустилась в патио. Спинай к ней перед стеклянной витриной стояла Ёрико Касуга в норковой шубке, одна, без помощницы. Когда с небольшими покупками вроде помады от «Ланком» и женской перьевой ручки от «Пеликан» было покончено и Фусако пригласила ее на обед, знаменитая актриса искренне просияла от радости. Через мост Нисино-хаси они отправились в небольшой французский ресторанчик «Сант'ор», излюбленное место яхтсменов, где управлял старый гурман, до пенсии служивший во французском консульстве.

Фусако безошибочно угадала неприкаянность одиночества в этой простой и даже несколько равнодушной женщине. Ёрико не дали ни одного приза за актерское мастерство, на которые она так рассчитывала в прошлом году. Ее нынешний визит в Йокогаму, несомненно, был побегом от пристального внимания публики к той, что не смогла заполучить ни одной награды. Народу вокруг полно, но поговорить по душам не с кем, только и есть что не очень-то близкая знакомая, хозяйка магазина импортных товаров. Фусако решила не касаться за обедом темы кинематографических призов.

Они заказали домашнее вино и буйабес. Ёрико не ориентировалась во французском меню, и Фусако выбрала за нее.

— Мама-сан, вы очень красивая. Как бы я хотела быть такой, — заявила пышная красавица Ёрико.

Фусако подумала о том, что вряд ли найдется второй человек, столь явно пренебрегающий своей красотой. Ёрико с ее великолепной грудью, красивыми глазами, точеным носом терзалась необъяснимым комплексом неполноценности. Страдала, уверенная, что приз за актерское мастерство ей не достался потому, что она выглядела не слишком аппетитным лакомством в мужских глазах.

Фусако видела, с каким наслаждением и трогательным удовольствием эта несчастная знаменитая красавица расписывается в протянутом официанткой блокноте. Настроение Ёрико было легко угадать по тому, как она давала автографы. Сейчас она делала это с такой пьянящей щедростью, что казалось, попроси ее сейчас кто-нибудь, она ничего не пожалеет.

— В этом мире доверять можно только поклонникам. Какая бы короткая память у них ни была, — небрежно бросила Ёрико, прикуривая тонкую женскую импортную сигарету.

— А мне вы не доверяете? — поддразнила ее Фусако, предвидя счастливое возражение Ёрико.

— Если бы не доверяла, не стала бы мотаться в Йокогаму. Вы мой единственный друг. Правда. Пожалуйста, поверьте... Я давно не чувствовала себя так спокойно. Все благодаря вам, мама-сан. — Ёрико снова назвала ее ненавистным прозвищем.

Ресторанчик был украшен акварелями пиратских джонок XVII века и американских судов XIX века, единственным ярким пятном здесь были красные клетчатые скатерти. Кроме Фусако и Ёрико, посетителей не было. Старые оконные рамы скрипели на ветру. Было видно, как за окном летит по пустынной улице подхваченный северным ветром газетный лист. Взгляд упирался в серые складские стены.

Даже во время обеда Ёрико не скинула с плеч норковую шубу, на груди ее колыхалась золотая цепочка, похожая на священную петлю симэнава³³. Она с аппетитом поела, отдалившись от житейской суеты, от укулов собственного честолюбия, и в этот миг напоминала крестьянку, присевшую отдохнуть на солнечной полянке от тяжелого физического труда.

В такие моменты как никогда видна была жизненная сила этой женщины, тянущей на своих плечах десятерых иждивенцев. Именно в этой силе таилась незаметная для самой Ёрико красота.

³³ Автор, вероятно, имеет в виду веревку из рисовой соломы симэнава, подвешиваемую в священных местах для защиты от злых духов, и переносной синтоистский храм микоси, внутри которого находится какой-либо священный предмет.

Фусако вдруг показалось, что лучшего советчика ей не найти. И она с легкостью открылась. Опьянев от собственного счастья, выболтала то, о чем следовало промолчать.

— И он отдал вам свою чековую книжку с двумя миллионами и личную печать?

— Я долго отказывалась, но...

— Тут и отказываться нечего. Вот это по-мужски. Сумма для вас наверняка ничтожная, но какой приятный поступок. В наше время, и такой мужчина. А ко мне липнут одни вымогатели. Вам действительно очень повезло.

Когда Ёрико, выслушав рассказ, с деловитым видом стала давать указания, Фусако лишний раз подивилась ее тонкому уму. Во-первых, и это обязательно, перед свадьбой следует обратиться в детективное агентство. Понадобится его фотография и тридцать тысяч иен. Можно сделать все за неделю. У Ёрико есть на примете проверенный детектив. Она в любой момент готова дать его адрес.

Во-вторых, будем надеяться, это не его случай, но у моряков-то как раз и встречаются дурные болезни, так что следует пойти с ним к надежному, по мнению Фусако, врачу и обменяться результатами медицинского обследования.

В-третьих, проблема с ребенком — все-таки мальчику с отчимом проще, чем с мачехой, так что волноваться особо не о чем. Тем более если ребенок относится к нему как к герою (и если он мужчина по характеру добрый), то все, конечно же, пойдет хорошо.

В-четвертых, мужчину ни на минуту не следует оставлять без дела. Если в будущем Фусако видит в нем управляющего в «Рексе» — Сибуя ведь не вечен, — то пусть хоть с завтрашнего дня выходит в магазин, вникает в курс дела и заодно помогает.

В-пятых, хотя случай с чековой книжкой и показывает, что он не расчетлив, но в наши дни, когда из-за жуткого экономического кризиса с прошлого года акции судоходных компаний повсюду падают, он и сам явно намеревался покончить с морем, так что Фусако не должна становиться игрушкой в его руках. Следует строить денежные отношения на равных, а то, глядишь, мужик ни во что тебя ставить не будет.

Ёрико вкратце изложила все это старшей по возрасту Фусако, словно разжевывая очевидные истины. Фусако удивила безупречная логика женщины, которую она всегда считала не слишком умной.

— Какая вы благоразумная, — притворно восхитилась Фусако.

— На самом деле все просто. Когда-то я собиралась замуж за одного человека. И поделилась с нашим продюсером. Да вы его знаете. Муракоси-сан со студии «Козэй», известный хитрец. Муракоси, молодчина, ни словом не обмолвился о моей работе, о контракте. Сначала со сладчайшей улыбкой поздравил, а потом изложил примерно то же, что и я вам, мама-сан. Мне было недосуг самой этим заниматься, и я полностью доверилась профессионалам. Через неделю узнала, что у него три любовницы, двое внебрачных детей, к тому же он болен, ленив, а после свадьбы собирался прикарманить мои сбережения и зажить припеваючи... Каков?! Все они такие, одно слово. Хотя, конечно, встречаются исключения.

В этот момент Фусако возненавидела Ёрико. Она с изумлением ощутила, как в ней поднимается обида. Безотчетная ядовитая ирония в словах Ёрико была направлена не только против Рюдзи, но также оскорбляла благородное происхождение и воспитание самой Фусако и многолетние традиции семьи Курода, невольно задевая даже честь покойного супруга.

Коль скоро биография Фусако так разительно отличается от жизни Ёрико, вряд ли в ее случае события станут развиваться как у актрисы. Покусывая губы, Фусако мысленно рассуждала: «Я просто обязана поставить ее на место. С другой стороны, она моя клиентка».

Не отдавая себе отчета, Фусако теперь занимала совершенно иную позицию, чем летом, когда впервые оценивала свою бурную и внезапную страсть. В душе нынешняя Фусако злилась не столько за Рюдзи, сколько за добропорядочный быт, который она с сыном вела после смерти мужа. В ядовитой иронии Ёрико ей почудилось то, чего она боялась больше всего, — общественное порицание ее «безрассудному поступку». И именно теперь, когда она так стремилась привести любовное приключение к простой истории с хорошим концом, Ёрико будто специально наговорила всяких гадостей... Фусако злилась за своего покойного

мужа, за семью Курода, злилась за Нобору, она буквально позеленела от злости.

«Будь Рюдзи лентяем и себе на уме, он вряд ли заслужил бы мое расположение. В отличие от этой идиотки у меня здоровый и устойчивый взгляд на вещи».

При мысли об этом, как и прошлым летом, когда она отрицала свою загадочную, необъяснимую страсть, ее гнев буквально закипел, рискуя выплеснуться наружу.

Между тем Ёрико, преспокойно попивая кофе, искренне не замечала внутреннего волнения Фусако.

Неожиданно она резко задрала левый рукав, продемонстрировав внутреннюю сторону белого запястья:

— Прошу вас сохранить это в тайне. Вам, мама-сан, я могу довериться. Этот шрам у меня с того раза. Я ведь резалась бритвой, пыталась покончить с жизнью.

— А в газетах что же, ничего не было? — Фусако быстро справилась с собой, но голос ее звучал высокомерно.

— Муракоси-сан попросил всех газетчиков не придавать этому значения, и новость не вышла. Но кровищи было — кошмар.

Ёрико высоко подняла запястье, жалостливо дрогнула губами, протянула руку Фусако, чтобы та хорошенько рассмотрела. Рана, от которой осталось несколько беспорядочных белых шрамов, незаметных если не всматриваться, казалась неглубокой и вызывала у Фусако презрение. Чтобы Ёрико ни о чем не догадалась, она с озабоченным видом вгляделась в шрам.

Сейчас Фусако снова была уверенной женщиной, владелицей роскошного магазина, лицо ее выражало сочувствие.

— Ах, бедняжка. Случись тогда что-нибудь ужасное, сколько народу рыдало бы по всей стране. Жаль такое красивое тело. Пообещайте, что больше никогда так не сделаете.

— Не сделаю. Даже если попросят, на такую глупость я больше не пойду. Сейчас я живу хотя бы ради зрителей, которые станут оплакивать меня по всей стране. А вы, мама-сан, будете плакать?

— Еще как буду. Но хватит об этом, — произнесла Фусако притворным голосом.

Даже если обращаться к гениальному детективу Ёрико — плохая примета, Фусако теперь просто обязана получить полный отчет о своем избраннике.

— А я завтра как раз еду в Токио по делам вместе с нашим управляющим. Вот закончим дела, ускользну от него и поеду в детективное агентство. Не напишете мне рекомендацию на своей визитной карточке?!

— Конечно.

Ёрико извлекла из кожаной крокодиловой сумочки только что купленную перьевую ручку и, покопавшись, достала маленькую визитку.

Через восемь дней в длинном телефонном разговоре с Ёрико Фусако с гордостью рассказывала:

— Звоню поблагодарить. Очень, очень вам признательна. Все было в точности как вы сказали... Да, очень успешно... Весьма интересный отчет. Тридцать тысяч просто копеек. Зачитать вам? Вы не заняты? Ну что ж, слушайте: «Отчет о специальном расследовании. В ответ на поступивший запрос сообщаем нижеследующее. Сведения касательно Рюдзи Цукадзакис. Запрос — выявить подлинность или фальсификацию биографии указанного лица, связи с женщинами, наличие сожительниц и пр. Биография указанного лица находится в полном соответствии с изложенными заказчиком сведениями: мать, Масако, умерла, когда ему исполнилось десять лет; отец, Хадзимэ, служил в районной администрации Кацусика, Токио, повторно в брак не вступал, посвятив себя воспитанию детей; дом сгорел при воздушном налете в марте 1945 года; младшая сестра, Ёсико, умерла в мае того же года от сыпного тифа; после окончания мореходной школы...» — ну и так далее. Боже, какой ужасный текст. Так, это мы пропускаем... «Связей с женщинами, во всяком случае продолжительных или длящихся до настоящего времени, не выявлено, сожительниц, а также

лиц в прошлом, с которыми возможно связать продолжительные любовные отношения, не выявлено...» А, вот! Как вам такая фраза? «Указанное лицо имеет склонность к определенной замкнутости, на службе предельно усерден, исполнен чувства ответственности, обладает крепким физическим здоровьем, сведений о болезнях не выявлено. Среди близких родственников указанного лица признаков психических заболеваний и прочих наследственных болезней не выявлено...» Так, так, ага: «Денежные ссуды и задолженности отсутствуют, займы отсутствуют, гарантийные авансовые платежи отсутствуют, в финансовых вопросах чистоплотен. По характеру — необщителен, не находил общего языка с соседями по общежитию...» Главное, чтобы со мной общий язык находил... Что? Говорите, у вас гости? Тогда я прощаюсь. Огромное, огромное спасибо. Вы такая внимательная. Очень хотелось вас поблагодарить. Ну что ж, буду ждать... Как он? Тут вы тоже оказались правы — уже несколько дней ходит со мной в магазин, учится. Вот придете в следующий раз, я вас познакомлю. Да... да. Огромное спасибо. До свидания.

Глава 4

Учеба у Нобору началась одиннадцатого числа. В этот день уроки закончились до обеда. Они с ребятами не виделись все новогодние праздники. Главаря родители увезли в путешествие по Кансаю³⁴. Вся компания съела в школе принесенные из дому обеды и в поисках безлюдного места отправилась в конец причала Ямасита.

— Вы наверняка думаете, что там жуткий холод. Все так думают. Но это заблуждение. Там есть отличное убежище от ветра... В общем, идемте — сами увидите, — сказал Главарь.

После обеда стало облачно, мороз крепчал. Всю дорогу до края причала Ямасита мальчишки отворачивались от дувшего с моря порывистого северного ветра.

Насыпные работы здесь почти закончились, одна из пристаней была готова наполовину. Серое море волновалось, буи качались, непрерывно захлестываемые волной. В заводском районе на мрачном противоположном берегу торчали пять труб электроэнергетической компании, желтый дым укрывал неясную линию крыш. Слева, со стороны пристани, где шли работы, с землечерпального судна раскатисто доносились по воде возгласы рабочих. Низкие красно-белые маяки, служащие ориентирами входа в порт, зрительно наложились друг на друга.

На причале перед Городским складом временного хранения № 5, тем, что справа, стоял старинный пяти- или шеститысячетонный сухогруз, флаг на его корме обвис, а вдали за его надстройкой высилось другое судно, похоже иностранное, с лесом красивых белых грузовых стрел, словно белая птица, взмахнувшая крыльями посреди мрачного пейзажа.

Они сразу поняли, что имел в виду Главарь, говоря об убежище. В пространстве между причалом и складом в беспорядке сгрудились пустые контейнеры, куда с легкостью вместился бы теленок. Фанерные части выставленных на улице и опоясанных массивными железными лентами деревянных ящиков были выкрашены под металл в одинаковый серебристый цвет, на каждом значилось название импортера.

Шестеро мальчишек забирались в просветы между контейнерами, носились вдоль них, внезапно выбегая и сталкиваясь лбами, удирали и догоняли, по-детски резвились. К тому моменту, когда Главарь обнаружил в самой гуще серебристых контейнеров единственный, на котором сохранился железный обод, а две стенки были выломаны и внутренняя поверхность фанеры ярко выделялась на общем металлическом фоне, остальная компания порядком утомилась.

Словно сорокопут, Главарь созвал разбежавшихся повсюду товарищей. Когда все шестеро устроились в контейнере, кто на фанерном полу, кто опершись на железный обод, им почудилось, что их необычное транспортное средство вот-вот подхватит кран и унесет в

³⁴ Кансай — регион Западной Японии на острове Хонсю.

пасмурное зимнее небо.

Они поочередно читали вслух каракули, написанные маркером на внутренней стороне фанеры: «Встретимся в парке Ямасита», «Забудем все, да здравствует беспечность!» Словно в рэнга³⁵, каждая написанная новым автором последующая строфа причудливо искажала желания и мечты предыдущей: «Молодежь, любовь даешь!», «Забудь — подумаешь, баба», «Мечты навсегда!», «Блюз черной тоски в черном сердце»... Здесь же с душевным трепетом вступал матрос-салага: «Обменял баксы. Жизнь — хороша!» На рисунке от сухогруза шли четыре стрелы, правая указывала на Иокогаму, левая на Нью-Йорк, верхняя на Рай, а нижняя на Ад. Крупная надпись «К черту!» была заключена в большой жирный круг, рядом на портрете унылый моряк, подняв ворот бушлата, курил трубку. Все здесь кричало об одиночестве отчаянной морской жизни, пустых мечтах, и было пронизано томительной скукой. Откровенная ложь. Самообман.

— Все это сплошное вранье, — с досадой произнес Главварь.

Сжав в кулак белую и хрупкую детскую ладонь, он постучал по исписанной стене. Для всех шестерых этот худой кулачок явился символом крушения надежд.

А ведь раньше Главварь говорил, что на этом мире стоит клеймо, снять которое в конечном счете под силу только им.

— Что там с твоим героем, а, Третий? Ходят слухи, что он вернулся, — произнес Главварь холодно и ядовито, ощущая прикованные к нему взгляды.

При этом он торопливо достал из кармана пальто и натянул пухлые кожаные перчатки с алой подкладкой, а натянув, стал быстро прихлопывать ладонями друг о друга.

— Вернулся, — лениво ответил Нобору. Тема была ему крайне неприятна.

— Ну и как, совершил он что-нибудь героическое во время рейса?

— Да... Говорит, выдержал ураган в Карибском море.

— Хм, наверняка вымок как мышь. Как тогда, под фонтанчиком в парке.

При этих словах Главваря все покатались со смеху и уже не могли остановиться.

Нобору, хоть и воспринял это как насмешку в свой адрес, тут же набрался гордости и рассказал о буднях Рюдзи без всяких эмоций, словно отчитывался о достижениях какого-нибудь незнакомого человека.

До седьмого января Рюдзи слонялся по дому. Новость о том, что «Лоян» ушел еще пятого числа, стала для Нобору настоящим ударом. Мужчина, всегда составлявший с «Лояном» единое целое, являвшийся частью удаляющегося судна, по собственной воле отказался от своей судьбы моряка, вырвал из своих грез синеву моря.

Конечно, во время каникул Нобору повсюду следовал за Рюдзи, слушал морские рассказы, получал обширные познания о судовой жизни и далеких портах. Однако в действительности Нобору жаждал не этих рассказов, а неуловимых, скупых, будто из-под далекой тучи на горизонте доносящихся порывах соленого ветра, которые оставлял за собой Рюдзи, торопливо отправляясь в новый рейс, не имея даже времени на рассказ.

Только в этих соленых дуновениях присутствовали видения моря, корабля и плавания. Теперь день ото дня Рюдзи все больше пропитывался омерзительным запахом береговых будней. Запахом дома, запахом окрестностей, запахом спокойной жизни, запахом жареной рыбы, запахом приветствий, запахом годами стоявшей неподвижно мебели, запахом книги расходов, запахом воскресных прогулок... Трупным запахом, в той или иной степени пропитавшим тела городских жителей.

Началось прилежное обучение Рюдзи береговым манерам, чтение взхлеб рекомендованных Фусако вздорных книг и альбомов по искусству, телевизионные уроки английского без морских терминов, лекции Фусако об управлении магазином, попытки «со вкусом» носить в изобилии выписанные Фусако английские вещи, европейские костюмы и сшитые на заказ пальто... Наконец, восьмого января Рюдзи вместе с Фусако отправился в

³⁵ Рэнга — японский поэтический жанр, соединяющиеся друг с другом стихотворения нескольких авторов.

«Рекс». Отправился бодрячком, напаялив подогнанный специально для него английский пиджак.

— Бодрячком. — Нобору произнес это так, словно на кончике языка у него лежал кубик льда.

— Значит, бодрячком, — подхватил интонацию Первый.

Слушая его рассказ, мальчишки постепенно перестали смеяться. Прониклись тяжелыми обстоятельствами. Угадали в них собственное незавидное будущее. В этом мире может так ничего и не произойти!

В просвете между контейнерами на мгновение показался баркас, по диагонали пересекающий водную гладь, вздымая белые волны, стук его мотора еще долго разносился по округе.

— Ну что, Третий, — Главарь лениво привалился к фанерной стене, — хочешь снова сделать из него героя?

Закончив рассказ, Нобору внезапно ощутил холод. Усевшись на корточки, он молчал, разглядывая носки ботинок. Потом ответил невпопад:

— Он все еще бережно хранит в шкафу морскую фуражку, бушлат, свитер с высоким воротом. Похоже, не собирается пока выбрасывать.

Главарь, привычно игнорируя слова собеседника, звонким как колокольчик голосом произнес:

— Есть только один способ снова сделать из него героя. Сейчас я не могу вам о нем рассказать. Придет время, когда я сделаю это, думаю, уже скоро.

В ответ на такие фразы Главаря никому не позволялось уточнять, что он имеет в виду. Он тут же с легкостью и присущим ему эгоизмом сменил тему:

— Теперь расскажу о себе. Во время новогодней поездки я в кои-то веки с утра до вечера общался с отцом и матерью. Ох уж эти родители! Вы только вдумайтесь. Вот уж воистину тошнотворные существа. Вредители в чистом виде, они несут в себе все человеческие изъяны.

Правильных отцов не бывает. Почему? Да потому что роль отца в корне порочна. Строгий отец, добрый отец, умеренный отец — все они одинаково плохи. Они преграждают путь нашей жизни, стремясь навязать сыновьям всякий хлам вроде собственных комплексов неполноценности, несбывшихся желаний, досады, идеалов, неловкости оттого, что за всю жизнь так и не смогли объясниться с окружающими, грехов, приторных грез, заповедей, которым не достало смелости следовать самим... Безучастные отцы вроде моего папы — исключение. Как правило они желают, чтобы их собственные дети прониклись муками совести от невозможности уделять им внимание. Когда мы были в Арасияма, переправляясь через Тогэцукё³⁶, я спросил у папы: «Папа, есть ли все-таки у жизни цель?» Вы-то меня понимаете, верно? Я имел в виду следующее: «Отец, зачем ты живешь? Не полезнее было бы пораньше умереть?» Но мой папа не из тех, кто способен понять простые намеки. Он удивился, округлил глаза, посмотрел на меня испытующе. О, как я ненавижу это тупое удивление. Наконец ответил: «Сынок, цель в твоей жизни ставят не окружающие. Ты создаешь ее сам». Какое глупое нравоучение. Просто взял и выпалил то, что положено отцу. В такие моменты становится особенно заметен пошлый отцовский взгляд, разом сужающий границы мира. Отец лжив и призывает ребенка лгать, но и это еще полбеды, — хуже всего, что сам он уверен, будто изрекает истину. Отцы — вселенские мухи. Долго кружат и жужжат, а потом копошатся в грязи. Они на все готовы, лишь бы грязи было побольше.

— Мой так и не купил воздушное ружье, — проворчал Второй, сидя на полу и обхватив колени.

— И не купит. А тебе пора бы знать, что родитель, покупающий воздушное ружье,

³⁶ Тогэцукё («Мост переправляющейся луны») — главная достопримечательность в Арасияма (гора и одноименный район в пригороде Киото).

также плох, как и тот, что не покупает.

— А мой вчера меня ударил. Уже третий раз в этом году, — заявил Первый.

— Он тебя бьет? — Нобору содрогнулся от страха.

— Ладонью по щеке, иногда кулаком.

— Что же ты молчишь?

— Потому что он сильнее.

— Тогда, тогда, — от возбуждения голос у Нобору стал тонким, — можно ведь скормить ему рис с цианистым калием или еще что-нибудь.

— Побой далеко не худший вариант. — Главарь едва заметно приподнял уголки тонких красных губ. — Есть множество куда более ужасных вещей. Тебе не понять. Счастливцев. После смерти отца ты стал избранным. Но и ты должен познать зло этого мира. Иначе к тебе никогда не придет сила.

— А мой всегда приходит пьяный и издевается над мамой. А если я заступаюсь за нее, ухмыляется, а сам, бледный как полотно, твердит: «Уйди. Не лишай маму радости», — рассказывал Четвертый, — а я знаю, у него аж три любовницы.

— А мой только Богу молится, — вступил Пятый.

Нобору спросил:

— О чем молится?

— О безопасности домочадцев, мире в стране, процветании бизнеса и все такое. Он считает, что у нас образцовая семья. Плохо, что он и матери, кажется, мозги запудрил — она думает, у нас в доме чистота и лад. Они даже мышей на чердаке подкармливают. Мол, нельзя, чтобы голод способствовал злым помыслам... А после еды все вылизываем тарелки, чтобы не расходовать понапрасну Божью милость.

— Это тоже он вас заставил?

— Мой отец никогда никого не заставляет. Начинает с себя, с каких-нибудь мелочей. В итоге все начинают ему подражать... Ты счастливый. Береги свою удачу.

Нобору испытал радость оттого, что поразивший других недуг не коснулся его, но тут же содрогнулся при мысли о призрачной хрупкости своего нечаянного везения. По какой-то невероятной милости ему до сих пор удавалось избежать зла. Между тем его повседневная жизнь была хрупкой словно молодой месяц. С таким же успехом можно взять билет на самолет, который вдруг окажется неисправным. И что тогда? В один миг все может с треском лопнуть! Однажды мир разом натянет на Нобору удушливую смирительную рубашку. Этот день не за горами... При мысли об этом Нобору почувствовал, как в нем закипает бешеная злость.

Главарь, повернувшись к Нобору заиндеветшей на холоде щекой и стараясь не смотреть на него, глядел на едва заметные в просветах контейнеров клубы серого дыма и облаков над морем, хмурил аккуратно подбритые серповидные брови. Мелкими и блестящими острыми передними зубами он покусывал красную подкладку кожаных перчаток.

Глава 5

Отношение к нему матери изменилось. Она стала ласковее, каждую свободную минуту старалась заботиться о Нобору. Явный знак того, что что-то в их жизни произойдет, что-то такое, с чем Нобору будет сложно примириться.

Как-то вечером, когда Нобору, пожелав спокойной ночи, собирался подняться к себе в комнату, мать пошла за ним.

— Ключ, ключ, — гремела она брелоком.

В этих ее словах Нобору почудилась опасность. Идти за ним, иногда по-доброму, иногда с мрачным выражением, и запираť дверь снаружи было ежевечерним ритуалом, однако еще ни разу мать не повторяла при этом: «Ключ, ключ».

В этот момент Рюдзи, одетый в бордовую клетчатую пижаму, поднял глаза от книги

«Практика управления магазином» и с видом «ах, я случайно это услышал» окликнул Фусако по имени.

— Да? — обернулась она с середины лестницы, и Нобору покорила приторность ее голоса.

— Может, прекратим запира́ть его на ключ с сегодняшнего дня? Нобору уже не ребенок, должен знать, что можно делать, а что нельзя. Верно, Нобору?

Его голос раскатисто гремел в гостиной. Нобору молча замер в темноте на вершине лестницы, блестя глазами словно загнанный зверек.

Фусако не стала упрекать Нобору за невежливое молчание, с легкостью сохраняя на лице выражение масляной ласки.

— Вот и хорошо. Ты ведь рад?

Она отвела Нобору в комнату, сверила с расписанием приготовленные на завтра учебники, убедилась, что карандаши остро заточены. Домашнее задание по математике сделал Рюдзи. Мать еще немного походила по комнате, проверяя, как Нобору раздевается ко сну, при этом силуэт ее казался слишком легким, а движения чересчур плавными, как если бы она танцевала в воде. Наконец, пожелав спокойной ночи, мать удалилась. В тот вечер он не услышал звука поворачиваемого в замке ключа, с которым так сроднился за долгое время.

Оставшись один, Нобору ощутил беспокойство. Он видел их спектакль насквозь. Но от этого было не легче.

Рюдзи расставил заячий капкан. Он явно ожидал, что страх зайца, оказавшегося в родной норе, пройдет и его сменит чувство покоя, ведь его никто не запира́л, он сам оказался здесь, по собственной воле, а значит, бояться нечего. Причудливый капкан, угодив в который заяц перестает быть зайцем.

Нобору дрожал от тревоги в незапертой комнате, соединив уголки воротника пижамы. Они занялись воспитанием. Страшным разрушительным воспитанием. Вынужденным «развитием» мальчика, которому скоро исполнится четырнадцать. Пользуясь лексикой Главара, вынужденным «гниением». Нобору гнал от себя безумную мысль: нельзя ли, находясь в комнате, как-нибудь запереться снаружи?

В другой раз, вернувшись из школы, Нобору застал мать и Рюдзи в вечерних нарядах — они сказали, что поведут его в кино, Нобору здорово обрадовался — в кинотеатре шел новый приключенческий фильм, который он давно мечтал посмотреть.

После сеанса они отправились в китайский квартал и поужинали втроем в двухэтажном ресторане с крошечными кабинетами с сиденьями на полу. Нобору понравилась еда, но больше всего его восхитил заставленный тарелками круглый вращающийся стол.

Когда вынесли последнее блюдо, Рюдзи глазами подал Фусако знак. При этом у нее сделался такой вид, будто ей, и так раскрасневшейся от небольшого количества лао³⁷, не помешало бы принять еще чашечку для храбрости.

Еще ни разу в жизни взрослые не оказывали Нобору столько внимания и не демонстрировали перед ним такого стеснения. Видимо, это какой-то взрослый ритуал. Нобору знал наперед, что они ему скажут, и испытывал полное спокойствие. Однако мать и Рюдзи по ту сторону стола, для которых сердце Нобору было чем-то вроде раненого несмышленого хилого птенца, представляли собой грандиозное зрелище. Они выглядели так, словно выложили птенца на тарелку, взъерошенного и такого хрупкого, что, кажется, он сломается от одного прикосновения, и теперь размышляли, как бы съесть его сердце и при этом не сделать ему больно.

Такой образ как нельзя лучше подходил Нобору. В их глазах ему необходимо было выглядеть жертвой.

— Ты меня слушаешь? Послушай внимательно, что мама сейчас скажет. Это очень

³⁷ Лао — китайский алкогольный напиток.

важно. У тебя будет папа. Цукадзаки-сан станет твоим папой.

Нобору внимал с неподвижным лицом и был абсолютно уверен в том, что в это мгновение выглядит крайне растерянным. Но это было еще не все. Дальнейшее идиотское поведение матери превзошло любые ожидания Нобору.

— ...Твой покойный отец был по-настоящему хорошим человеком. Когда он умер, тебе было восемь лет, и у тебя наверняка сохранилось множество теплых воспоминаний. После его смерти мама тосковала пять лет, как и ты. Но ведь ты наверняка считаешь, что и маме, и тебе нужен новый папа? Ты ведь понимаешь это, правда? Ты не представляешь, как страстно мама мечтала о сильном и добром папе для тебя. Оттого, что покойный папа был очень хорошим человеком, мама страдала еще больше. Ты ведь уже взрослый и все понимаешь. Ты, как никто другой, знаешь, как тревожно и беспокойно было тебе и маме все эти пять лет.

Мать, как полная дура, торопливо достала гонконгский носовой платок и зарыдала:

— Все ради тебя, Нобору, все ради тебя. В мире не найти второго такого, как Цукадзаки-сан, — сильного, доброго, который станет тебе прекрасным отцом... Ты теперь будешь называть его папой, слышишь? Свадьба в начале следующего месяца. Мы позовем много гостей.

Не глядя в глаза молчащему Нобору, Рюдзи в одиночестве бросал в чашку с лао сахар-кандис, перемешивал, снова бросал. Он боялся, что мальчишка сочтет его наглецом.

Нобору знал, что теперь этот человек внушает страх. Сладкий, идущий из глубины страх опьянял его. Когда он повернулся к ним всем своим холодным, строгим лицом, на губах его заиграла улыбка. Легкая улыбка самоуверенного ученика, не выполнившего домашнее задание, но посчитавшего, что этого никто не заметит.

На другом конце стола Рюдзи краем глаза проворно поймал его улыбку. И снова ошибся. На его обращенном к Нобору лице возникла та же жалкая, заискивающая улыбка, как и в тот раз, когда он насквозь промок в парке и Нобору почувствовал первое разочарование, настолько сильное, что еле устоял на месте.

— Хорошо! Тогда я тоже всегда буду звать тебя просто Нобору, без всяких церемоний. Так, Нобору, пожми-ка папе руку.

Рюдзи протянул над столом жесткую ладонь. Нобору тяжело, словно загребая воду, подал свою. Казалось, она никогда не дотянется до пальцев Рюдзи. Дотянулась. Когда рука наконец достигла цели и его ладонь втянули в себя чужие толстые пальцы, начав горячее шершавое рукопожатие, Нобору почудилось, будто его подхватил вихрь и втягивает в ненавистный, бесформенный, взрослый мир.

... В тот вечер, после того как с пожеланиями спокойной ночи дверь закрылась, не запертая на ключ, Нобору пришел в бешенство. «Сердце твердое, сердце твердое, как железный якорь», — несколько раз произнес он вслух. Ему захотелось во что бы то ни стало подержать в руке свое по-настоящему твердое сердце.

Уходя, мать перекрыла кран газовой печи, и теперь стал различим сквозняк в комнате. Хорошо бы поскорее почистить зубы, надеть пижаму и нырнуть в постель.

Однако не в состоянии успокоиться он ленился даже снять пуловер. Никогда еще с таким нетерпением он не ждал, чтобы мать зашла еще раз, например вернулась, забыв сказать что-нибудь. В то же время никогда еще он не испытывал к матери такого сильного презрения, как сегодня.

В постепенно усиливающемся холоде Нобору выжидал. Устав от ожидания, погрузился в фантазии. Вот бы мать зашла к нему еще раз и закричала: «Все это неправда! Прости, что обманывала тебя и притворялась. Мы ни за что не поженимся. Если мы сделаем это, все в мире пойдет кувырком, в порту затонут десять танкеров, на суше сойдет с рельсов несколько поездов, повылетают стекла во всех городских витринах, а розы в городском парке, розы все станут черными как уголь».

Поскольку мать все никак не приходила, Нобору в конце концов выдумал ситуацию, в которой приход матери был для него крайне нежелателен. Он уже не мог понять, где здесь

причина, а где следствие. Причина столь нелепого и жгучего ожидания ее прихода, возможно, крылась в желании Нобору причинить себе боль, но, может быть, не только себе, а и ей нанести ужасные раны.

Нобору охватила удивившая его самого смелость, руки задрожали. С того самого вечера, как его перестали запирают на ключ, он не прикасался к пресловутому ящику. И на то была причина. В конце прошлого года, утром тридцатого декабря, когда вернулся Рюдзи и почти сразу закрылся в спальне, Нобору подглядывал за тем, как сплетаются звенья различных любовных поз, благополучно досмотрел действие до конца, но больше не желал рисковать быть застигнутым в нише в незапертой комнате.

Однако сейчас Нобору жаждал маленького мирового переворота. Если он талантлив, а мир не более чем пустой морок, значит, в его силах доказать это. Достаточно вызвать крошечную трещину в гладком, словно чашка, мире, в который верят мать и Рюдзи.

Нобору резко вскочил и взялся за кольцо комода. Обычно он старался не шуметь, но сегодня дернул ящик что есть мочи и грубо швырнул на пол. Постоял, внимательно прислушиваясь. Никакой реакции. Не стучат шаги на лестнице. Полная тишина. Лишь слышно, как часто бьется его сердце.

Нобору взглянул на часы. Еще только десять. В это мгновение его посетила идея. Он ляжет в нише делать уроки. С каким же удовольствием он потом посмеется над взрослыми.

Захватив карточки с английскими словами и карманный фонарик, Нобору нырнул в нишу. Наверняка мать зайдет к нему. Увидит его в странной позе и инстинктивно догадается, зачем он здесь. Побагровеет от стыда и злости. Вытащит Нобору и влепит пощечину. И в этот момент Нобору с невинным видом предъявит английские карточки и скажет: «А что, нельзя? Я занимался уроками. Мне тут спокойнее».

При мысли об этом он расхохотался, подавившись пылью.

В нише тревога отступила, недавнее сердцебиение показалось нелепым, вдохновленный своей задумкой, он и сам поверил, что так знания усвоятся лучше. Так или иначе, ниша была для Нобору краем мира, напрямую соприкасающимся с обнаженным, бесконечным космосом, местом, дальше которого не убежишь.

Неловко согнув руки в локтях и поочередно освещая карточки фонариком, он стал читать:

«*Abandon* — бросить, покинуть».

Привычное слово, знакомое.

«*Ability* — способность, одаренность».

Интересно, чем это отличается от таланта?

«*Aboard* — на борту».

Снова борт. Ему вспомнился голос из мегафона, летящий над палубой во время отхода. И золотистый громадный пароходный гудок, словно сигнал отчаяния... *Absence... Absolute...* Незаметно Нобору, позабыв выключить фонарик, погрузился в сон.

Рюдзи с Фусако оказались в спальне довольно поздно. Вечерний разговор за ужином словно снял груз с души, они почувствовали, что жизнь вступает в новую фазу.

Когда пришло время ложиться, в Фусако проснулась странная стыдливость. До сих пор она отдавалась Рюдзи при свете, что очень ему нравилось, но сегодня, после долгих разговоров о серьезных вещах и чувствах близких людей, Фусако попросила его погасить свет. В темноте Рюдзи обнял ее.

Когда все закончилось, она произнесла:

— Я думала, в полной темноте мне не будет стыдно, а оказалось наоборот. Как будто темнота превратилась в один большой глаз — мне все время казалось, что на нас кто-то смотрит.

Посмеявшись над такой чувствительностью, Рюдзи обвел взглядом комнату. За закрытой шторой не видно уличного фонаря. В газовой печи в углу не горит огонь, виден только тусклый голубой отсвет над городом. В темноте сумрачно поблескивает латунная

спинка кровати.

Внезапно взгляд Рюдзи задержался на деревянной панели в нижней части стены, граничащей с соседней комнатой. Старинная панель с бегущей по верхнему краю изгибистой деревянной резьбой. Из нее в темноте тускло проступает крошечный лучик света.

— Что это там? — беспечно спросил Рюдзи. — Видно, Нобору еще не лег. А дом-то старый. Завтра же законопачу эту щель.

Змеиным движением приподняв с подушки белую обнаженную шею, Фусако внимательно вгляделась в яркую точку. И с пугающей быстротой все поняла. Схватила халат, на ходу вдвела в него руки, ни слова не говоря выскочила из комнаты. Рюдзи поспешно окликнул ее, но ответа не последовало.

Слышно было, как стукнула дверь в комнате Нобору. Короткая тишина. Затем, кажется, плач Фусако. Рюдзи тоже соскользнул с кровати. Не зная, стоит ли идти сейчас в соседнюю комнату, он немного послонялся в темноте, затем включил напольный торшер, уселся на диван у окна и закурил.

Нобору проснулся оттого, что кто-то с неистовой силой за брюки выдернул его из ниши. Он долго не мог понять, что произошло. Гибкие, тонкие мамины руки, не разбирая, обрушивались на его щеки, нос, губы, и ему никак не удавалось открыть глаза. Еще ни разу мать так не била его.

Когда она тащила его, кто-то из них — мать или Нобору — зацепился за ящик, рубашки разлетелись в разные стороны, и теперь Нобору лежал на полу, запутавшись в одной из них ногой. Неужели мать может быть такой сильной?

Она нависла над ним, часто дыша и глядя с ненавистью. Нобору наконец-то разглядел сверху ее силуэт.

Из-за распахнутых пол парчового халата с летящими по темно-синему полю серебристыми павлиньими перьями нижняя часть ее туловища казалась неестественно широкой. Понемногу сужающаяся ввысь верхняя половина казалась чрезвычайно далекой и венчалась маленьким, задыхающимся и печальным, вмиг постаревшим и мокрым от слез лицом. Над волосами тусклой мандорлой³⁸ сиял потолочный светильник.

Когда Нобору разом охватил взглядом всю картину, в его онемевшем затылке возникло воспоминание — все это когда-то уже происходило с ним. Наверное, в кошмарном сне.

Мать рыдала в голос, взгляд ее сквозь пелену слез по-прежнему горел яростью, среди криков едва можно было разобрать:

— Стыд! Какой стыд! Собственный сын занимается такой грязью! Лучше бы мне умереть! Какой стыд, Нобору!

Нобору удивился полному отсутствию у себя желания говорить, будто занимался английским, как было задумано. Теперь уже все равно. Мать не ошиблась — такая ненавистная открывшаяся ей «истина» впиалась в нее, словно пиявка, превратив их с Нобору в равных людей. Это была почти симпатия. Прижимая к пылающей щеке ладонь, Нобору старался хорошенько рассмотреть, как близкий ему человек вмиг уносится в бесконечную даль. Нобору знал, что причиной ее злости и отчаяния является не выявление истины как таковой. Ее стыд и досада, не находящие выхода, проистекали из неких предрассудков. Если уж мать моментально все поняла и это привело ее в ярость, то какой прок от надуманного оправдания Нобору о занятиях английским языком в комод?

— Мне тут одной не справиться, — наконец произнесла Фусако тихим голосом, — мне не сладить с таким чудовищем. Подожди. Папа тебя накажет. А чтобы впредь было неповадно, наказание будет строгим.

Мать явно ждала, что, услышав это, Нобору заплачет и извинится.

Она внутренне заколебалась, подумав, что ситуацию еще можно уладить. Сейчас, пока

³⁸ Мандорла — вертикальный миндалевидный нимб священного сияния.

Рюдзи еще не появился, а Нобору вот-вот наверняка заплачет, еще можно, запудрив Рюдзи мозги, сохранить семейное достоинство. Но для этого необходимо было, чтобы Нобору поскорее заплакал и запросил прощения — не могла же она сама подсказать ему такое решение, вступить в сговор с сыном, после того как пригрозила отцовским наказанием. Ей оставалось лишь молча ждать.

Нобору тоже молчал. Его интересовало только то, как далеко может зайти однажды давший сбой механизм. В темной нише Нобору находился на границе моря, на пороге расширения собственного мира. Раз все началось оттуда и он будет наказан за то, что был там, он не может вернуться в теплый город людей и упасть ничком на траву, орошая ее притворными теплыми слезами раскаяния. Он не мог так поступить после того, как однажды летней ночью явственно подглядел в щель космическую мистерию, неразрывно связанную в его памяти с ночным пароходным гудком.

В этот момент дверь нерешительно открылась. В проеме показалось лицо Рюдзи.

Поняв, что они с сыном окончательно упустили шанс, Фусако пришла в ярость. Лучше бы Рюдзи совсем не являлся или уж сразу пришел с ней. В бешенстве от его неуклюжего появления, Фусако, торопливо пытаясь справиться с эмоциями, обрушила на Нобору новую порцию ярости.

— Да что тут случилось, в конце-то концов? — Рюдзи неторопливо вошел в комнату.

— Накажи его, отец. Его следует отлупить, чтобы неповадно было. Он залезал в комод и подглядывал за нашей спальней.

— Правда, что ли, Нобору? — В голосе Рюдзи не было злости.

Сидя на полу и разбросав в стороны ноги, Нобору молча кивнул.

— И... ну да. Ты только сегодня вечером это придумал, верно?

Нобору отрицательно покачал головой.

— Значит, делал это пару раз. Так?!

Нобору снова покачал головой.

— Что, постоянно, что ли?!

Увидев, как Нобору кивнул, Фусако с Рюдзи невольно переглянулись. Нобору удовлетворенно представил, как в голубом блеске молний с треском лопаются мечты Рюдзи о сухопутной жизни и вера Фусако в здоровую семью, и он поддался эмоциям, переоценив силу своего воображения. Он страстно чего-то ждал.

— Вот как? — Рюдзи стоял, сунув руки в карманы халата. Торчавшие из-под подола волосатые голени оказались как раз перед носом Нобору.

Сейчас от Рюдзи требовалось отцовское решение. Первое в сухопутной жизни вынужденное решение. Воспоминания о неукротимом море, его волнах, ветре наполнили память Рюдзи, сдерживая почти инстинктивный порыв. Ведь море осталось далеко, а здесь — суша. Ударить легко, но в этом случае его ждет непростое будущее. Добиться любви через достойное поведение? Оказать ребенку простую будничную поддержку... Стать безупречным воспитателем... Иными словами, забыть об океанском шторме — помнить, что на берегу всегда дует легкий бриз. Незаметно поддавшись влиянию настроения, он перестал различать возвышенные чувства от низких, уверовав, что на берегу просто не может происходить чего-то действительно важного. Чем более точного решения он искал, тем более иллюзорными казались ему события домашней жизни.

К тому же не стоило воспринимать буквально просьбу Фусако отлупить сына. Заглядывая наперед, Рюдзи понимал, что в конечном итоге Фусако будет благодарна ему за проявленную снисходительность.

Рюдзи верил в отцовские чувства. В то мгновение, когда он торопливо искал в душе чувство долга по отношению к нелюбимому по-настоящему и, что уж там, скорее обременительному, странно замкнутому и не по годам смышленому ребенку, его охватила иллюзия, будто он искренне, по-отцовски, любит его. Более того, впервые столкнувшись сейчас с этим чувством, он неуклюже удивился этой своей неизвестно откуда взявшейся любви.

— Вот как? — повторил Рюдзи. Затем неторопливо нагнулся и уселся на полу, скрестив ноги. — И ты присядь. Я тут поразмыслил и решил, что виноват не только Нобору. С моим появлением ваша жизнь резко изменилась. В этом нет моей вины, но то, что жизнь изменилась, — это факт. Для парня твоего возраста естественно испытывать жгучее любопытство к происходящим вокруг переменам. Ты поступил плохо, действительно плохо, но пусть теперь твой стыд станет тебе наукой. Хорошо? Об увиденном ни слова. Вопросов не задавать. Ты уже не ребенок, и когда-нибудь мы, как взрослые люди, посмеемся над этим. И мама пусть успокоится. Забудем прошлое, а на будущее пожмем друг другу руки и заживем радостно. Завтра я законопачу эту щель. И мы все постепенно забудем этот не самый удачный вечер. Ну?! Так ведь, Нобору?!

Нобору показалось, что он вот-вот задохнется от слов Рюдзи.

«И это говорит он? Герой?»

Каждое слово казалось Нобору невероятным. Вслед за матерью ему хотелось кричать: «Какой стыд!» Этот мужчина говорит то, чего не должен говорить. С притворной лаской в голосе произносит вульгарные слова. Слова, которые бормочут слабаки, не вылезаящие из вонючих лачуг, слова, которые никогда не должны были сорваться с его уст. Рюдзи произносит их с неподдельной гордостью, веря сам себе и наслаждаясь добровольно возложенной на себя отцовской ролью.

«Радуйся!» — думал Нобору почти с тошнотой. Завтра противные руки этого мужчины, руки «отца», по выходным увлеченно строгающие что-то по хозяйству, навечно закроют узкий коридор, ведущий к нездешнему космическому свету, некогда излучаемому им самим.

— Ну?! Так ведь, Нобору?!

Закончив свою речь, Рюдзи положил руку ему на плечо, и Нобору нестерпимо хотелось стряхнуть ее со своего похолодевшего узкого плечика, но он не сделал этого. Главварь был прав, когда говорил, что в мире есть кое-что похуже побоев.

Глава 6

Нобору попросил Главваря созвать срочное совещание, и по дороге из школы все шестеро собрались у городского бассейна, за стеной кладбища. К бассейну спускался похожий на лошадиную гриву, поросший огромными пробковыми дубами холм. Остановившись на полпути, они залюбовались кладбищем с его надгробиями, на зимнем солнце ярко сияющими кварцем среди вечнозеленых крон.

Если смотреть отсюда, все могильные камни, выстроившиеся на уступах террасы, были повернуты к ним спиной. Кое-где среди могил чернел саговник. В тени памятников красными и желтыми пятнами неожиданно ярко выделялись букеты из тепличных цветов.

Справа виднелись эти могилы, прямо, вдалеке, над крышами укрывшихся на дне ущелья домов, угадывался контур Морской Башни, а слева в овраге раскинулся бассейн. В это время года он был закрыт, и его трибуны не раз служили отличным местом для их сборищ.

Все шестеро, один за другим перескакивая через выступающие из земли корни гигантских деревьев, похожие на толстые черные кровеносные сосуды, сбежали по жухлой тропинке в овраг к бассейну. В окружении зеленых крон бассейн стоял высохший и тихий, обнажив дно с облупившейся голубой краской. Вместо воды в углах скопились сухие листья. Голубая железная лесенка обрывалась высоко над дном. Солнце клонилось к западу, и дно бассейна, заслоненное створчатой ширмой теней, было погружено во тьму.

Скача за остальными, Нобору мысленно сохранил в сердце только что мельком увиденные могильные камни, обращенные к ним спиной. Если все они смотрят в другую сторону, то как должна называться та сторона, где сейчас они собрались?

Шестеро мальчишек уселись на почерневшей бетонной трибуне. Для начала Нобору молча достал из портфеля толстую тетрадь и передал Главварю. Красными чернилами на

обложке значилось: «Преступления Рюдзи Цукадзаки».

Вытянув шеи, они читали вместе с Главарем. Это были выдержки из дневника Нобору, которых, благодаря вчерашнему случаю с комодом, набралось восемнадцать страниц.

— Ужасно, — произнес Главарь с глубокой печалью в голосе, — только страница восемнадцать потянет баллов на тридцать пять. Итого... ага... первый пункт пусть пять баллов, чем дальше, тем баллы выше, в итоге набирается гораздо больше ста пятидесяти баллов. Не предполагал, что все настолько серьезно. Тут есть над чем задуматься.

Слушая разговор Главаря с самим собой, Нобору вздрогнул:

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Ничего. Хотя мне и жаль тебя.

Некоторое время все шестеро молчали. Почувствовав в их молчании недостаток решимости, Главарь, кроша в пальцах опавший лист и сгибая в ладони оставшийся твердый черенок, произнес:

— Мы шестеро — талантливы и умны. Ну а мир, как вы знаете, пуст. Я не раз говорил вам это, но задумывались ли вы должным образом? Нам многое дозволено. Ведь это мы позволяем или не позволяем. Учителям, школе, отцам, обществу — всем этим выгребным ямам истории. И не потому, что мы бессильны, напротив, позволять — наша привилегия, и, имей мы хоть немного снисхождения, мы не смогли бы, наверное, вот так бездушно позволить все, что от нас требуют. Иными словами, мы не стали бы допускать то, что на самом деле недопустимо. Дозволительного в действительности ничтожно мало. Например, море...

— Корабли, — добавил Нобору.

— Да. Море, корабли, кое-что еще... Мы позволяем этому быть. Мы даже можем позволить собаке быть, но мы не позволим ей кусаться. Это оскорбление нашему привилегированному положению.

— До сих пор мы ничего не делали, — вставил Первый.

— Это не значит, что мы никогда ничего не сделаем, — тут же возразил звонкий голос Главаря. — Кстати, ни один из нас не принимал всерьез этого Рюдзи Цукадзаки, и только для Третьего он кое-что собой представлял. Он как минимум привел ему блестящее доказательство внутренних космических связей, о которых я постоянно толкую. Однако затем он безжалостно предал Третьего. Превратился в худшее в мире существо — в отца. Так нельзя. Это гораздо хуже, чем если бы он изначально ни на что не годился. Я всегда говорю, что мир — это набор простых знаков и простых решений. Рюдзи, возможно, сам того не ведая, являлся одним из таких знаков. Во всяком случае, по свидетельству Третьего, он, кажется, явился одним из таких знаков... Вы же помните о нашей обязанности? Выпавшую шестерню, пусть и с трудом, следует вернуть на ее законное место. Если этого не сделать, нарушится мировой порядок. Поскольку мы знаем, что мир пуст, нам остается лишь сохранять порядок самой этой пустоты, что очень важно. Мы — исполнители. — Затем добавил просто: — Делать нечего. Будем наказывать. В конечном счете ему это будет только на пользу. Третий, помнишь, на причале Ямасита я говорил, что есть лишь один способ снова сделать из него героя? И что скоро настанет время, когда я смогу рассказать тебе об этом способе?

— Помню. — Нобору сжал мелко трясущиеся ляжки.

— Это время настало.

Остальные пятеро тихо переглянулись. Все понимали важность того, что собирается сказать Главарь.

Они смотрели в потемневший в вечерней тени пустой бассейн. Облупившееся голубое дно пересекали несколько белых линий. Скопившиеся в углах высохшие палые листья наслаивались друг на друга.

Сейчас его глубина пугала. Он казался еще глубже в жидком голубом сумраке. Реальное ощущение того, что брошенное туда тело будет нечему поддержать, создавало в пустом бассейне непрерывное напряжение. Не было летней воды, принимающей в себя и

поддерживающей из глубины тела пловцов, и это высохшее сооружение, памятник воде и лету, таило чрезвычайную опасность. Спускающаяся от края бассейна и обрывающаяся высоко над дном голубая лесенка...

Тело и правда совсем нечему будет поддержать!

— Уроки завтра кончатся в два, а потом давайте заманим его сюда и все вместе отведем в Сугита, в наш сухой док. Третий, твое дело — ловко его заманить. Сейчас я скажу, кому что следует принести, а вы запоминайте. Я несу снотворное и скальпель. Такого силача придется усыпить, иначе ничего не выйдет. У нас дома есть немецкое снотворное, доза — от одной до трех пилюль, так что, если дать ему семь штук, думаю, его свалит одним ударом. Я растолку их в порошок, чтобы проще было растворить в чае. Первый несет толстую альпинистскую пятимиллиметровую пеньку. Нарезь ее кусками... раз, два, три, четыре. Ага, с запасом штук пять по два метра. Второй наливает в термос горячий чай и прячет в портфеле. Третий заманивает, так что больше от него ничего не требуется. Четвертый приносит сахар, ложку, бумажные стаканчики для нас и пластиковый стакан темного цвета для него. Пятый готовит хлопчатобумажное полотенце, чтобы завязать ему глаза и сделать кляп. Еще каждый может принести режущий инструмент, какой понравится. Нож, сверло — все, что угодно. Основное мы отработали на кошке, так что все то же самое. Беспокоиться ни о чем не нужно. Он просто чуть крупнее кошки. Ну и наверное, чуть более вонючий.

В упорном молчании все опустили взгляды в пустой бассейн.

— Боишься, Первый? — Первый едва заметно качнул головой.

— Второй, ты? — Второй сунул руки в карманы пальто, словно внезапно замерз.

— Третий, что с тобой?

Нобору не мог ответить, он тяжело дышал, во рту пересохло, словно туда натолкали сухой травы.

— Тьфу! Так я и думал. Всегда важничаете, а в самый главный момент в кусты. Я вас успокою. Специально кое-что принес. — Главарь вытащил из портфеля «Полный свод законов» в розовой обложке и ловко открыл на нужной странице. — Готовы? Я зачитаю, а вы внимательно слушайте. Статья сорок один Уголовного кодекса. «Поступки лиц, не достигших четырнадцати лет, уголовно не наказуемы». Читайте еще раз, громко: «Поступки лиц, не достигших четырнадцати лет, уголовно не наказуемы».

Заставив по кругу прочесть всех пятерых эту страницу «Свода законов», Главарь продолжил:

— Этот закон предназначен специально для нас тем пустым обществом, в которое верят наши отцы. Думаю, за это мы можем быть им благодарны. В нем нашли отражение надежды, возлагаемые на нас взрослыми, и их несбывшиеся мечты. Связав себя по рукам и ногам, взрослые, уверовав в то, что мы ни на что не способны, подарили нам единственный шанс мельком взглянуть на лоскуток голубого неба и глотнуть абсолютной свободы. Иначе говоря, взрослые написали детскую сказку, да только сказка вышла довольно опасная. Ну да ладно. Пока что мы так или иначе славные, слабые, невинные дети. Троим из нас — мне, Первому и Третьему — четырнадцать исполнится в следующем месяце. Остальным — в марте. Подумайте. Это последний шанс для всех нас.

Вглядевшись в глаза каждого, Главарь увидел, что напряженное выражение на лицах смягчилось, ужас отступил. Каждый из них впервые ощутил на себе теплую заботу общества взрослых людей, почувствовал себя защищенным.

Нобору поднял глаза к небу. Небесная синь отступала, уступая место легким сумеркам. Он подумал, что жаль было бы надевать Рюдзи на глаза повязку, если на исходе героических смертных мук он может увидеть это священное небо.

— Это последний шанс, — повторил Главарь, — если упустим его, то не сможем достичь высшей цели свободы, не сделаем ничего из того, что необходимо для порядка мировой пустоты, без риска для себя. А ведь нам, исполнителям смертной казни, жертвовать собственной жизнью было бы крайне неразумно... Если упустим шанс сейчас, то не сможем

совершить ни воровства, ни злодейства, то есть ни одного поступка, свидетельствующего о человеческой свободе. Станем изо дня в день дрожать от повиновения, от компромиссов и страхов, станем жить с оглядкой на соседей, словно мыши. Потом женимся, заведем детей и превратимся в худшие существа на земле — в отцов. Нужна кровь! Человеческая кровь! Без нее этот пустой мир побледнеет и высохнет. Мы должны выжать свежую кровь из этого мужчины и сделать переливание умирающему космосу, умирающему небу, умирающему лесу, умирающей земле... Сейчас! Сейчас! Сейчас! Насыпные работы вокруг сухого дока тоже закончатся через месяц. Там станетлюдно. К тому же нам скоро четырнадцать. — Главарь, окутанный черной тенью деревьев, глядя в потемневшее небо, произнес: — Кажется, завтра будет хорошая погода.

Глава 7

Двадцать второго января Фусако вместе с Рюдзи отправилась к мэру Июкогамы просить его быть свидетелем на свадьбе. Мэр сразу дал согласие.

На обратном пути они заглянули в универмаг в Исэдзаки и заказали приглашения. Зал в отеле «Нью-Гранд» для свадебного банкета был заказан заранее.

После обеда Фусако вернулась в магазин.

Рюдзи сегодня ушел пораньше по делу, о котором говорил с утра. Его товарищ по мореходке, а сейчас первый помощник на сухогрузе, ошвартовал судно на причале Такасима и мог увидеться с ним в перерыве, до вахты.

Рюдзи не хотелось идти на встречу с ним в английском пиджаке. Не хотелось до свадьбы щеголять перед старым другом в столь явно гражданской одежде. Он сказал, что зайдет домой переодеться в морскую форму.

— Надеюсь, ты не уйдешь с ним в море и не пропадешь без вести, — пошутила Фусако на прощание.

Рюдзи слово в слово выполнил то, о чем вчера вечером они условились с Нобору. Мальчишка с многозначительным видом позвал его к себе в комнату, якобы насчет домашнего задания, и обратился с просьбой:

— Знаешь, папа, завтра все мои друзья хотели бы услышать твои морские рассказы. Мы будем ждать в два часа после уроков на холме над бассейном. Они так хотят послушать, приходи, расскажи им, я прошу тебя. Приходи в морской фуражке. Только маме ни слова. Маме скажи, будто встречаешься с другом или что-нибудь в этом духе, и уйди из магазина пораньше.

Поскольку это был первый случай, когда Нобору подольстился к Рюдзи и вообще о чем-либо попросил, Рюдзи решил не обманывать доверия мальчишки. Это его отцовский долг. А Фусако, если и узнает потом, посмеется и только, так что Рюдзи под благовидным предлогом ушел из магазина.

Когда в два пополудни появились мальчишки, Рюдзи уже ждал у подножия дуба на холме у бассейна. Мальчишка с серповидными бровями и красными губами, по виду явно смышленнее остальных, вежливо поблагодарил Рюдзи за то, что тот нашел для них время, и сказал, что если уж слушать рассказ, то не здесь — они приглашают его в свой сухой док. Рюдзи согласился, подумав, что это, вероятно, где-то рядом с портом, Мальчишки вырывали друг у друга его морскую фуражку, по очереди надевали ее, шумно резвились.

Был солнечный день в разгаре зимы. В тени было холодно, но в лучах солнца, просочившихся сквозь тонкие облака, можно было обойтись без пальто. Рюдзи, в накинутом на плечи бушлате, сером свитере с высоким воротом и морской фуражке, шагал в окружении шумных шестерых мальчишек со школьными ранцами, среди которых был и Нобору. По нынешним временам все они были мелкими, и Рюдзи подумал, что их компания напоминает шесть буксиров, с трудом толкающих один сухогруз. Он не заметил в их веселости оттенка тревоги.

Мальчишка с серповидными бровями сообщил Рюдзи, что сейчас они сядут в городскую электричку. Тот удивился, но последовал за ними, как договорились. Потому что отлично знал, насколько важен для мальчишек в этом возрасте фон для рассказа. Они все ехали и ехали, пока не достигли конечной станции Сугита в районе Исого-ку, что в южном пригороде Йокогамы.

— Куда же мы все-таки едем? — несколько раз спрашивал Рюдзи с заинтересованным видом. Раз уж вызвался составить компанию, теперь поздно высказывать недовольство.

Всю дорогу он исподтишка наблюдал за Нобору. Сегодня мальчишка весело играл с друзьями, впервые без своего обычного острого, вопрошающе-укоризненного взгляда. Постепенно граница между Нобору и его друзьями — мальчишками размылась, и время от времени Рюдзи путал его с другими, как если бы наблюдал за вьющимися в зимнем оконном свете радужными пылинками. Он и не думал, что ни на кого не похожий одинокий мальчик со странной привычкой подсматривать может быть таким же, как остальные ребята.

Рюдзи подумал, как это здорово, что он выкроил полдня и специально оделся в привычную одежду, чтобы пообщаться с Нобору и его друзьями. Рассуждая как отец, с нравственной и педагогической точек зрения он подумал вот о чем: если судить по журналам и книгам, то сегодняшней поездкой Нобору сознательно протянул ему руку, дал шанс, о каком он и мечтать не мог, — шанс заложить фундамент их общего будущего. Так между приемным родителем и ребенком, изначально чужими друг другу, возникает доброе глубокое доверие, какого не бывает даже среди кровных родственников. В принципе Нобору вполне мог бы родиться у Рюдзи, когда ему было двадцать, так что ничего удивительного.

Сойдя на конечной станции Сугита, мальчишки потянули Рюдзи в сторону горной тропы, и он снова спросил с интересом:

— Эй, а сухой док в горах, что ли?

— Да. В Токио ведь подземка ездит над головой.

— Поддел ты меня.

Рюдзи подкрепил свою реплику мимикой, и мальчишки засмеялись.

Дорога у подножия сланцевой горы вступила в район Канадзава. Они миновали электростанцию, прошли под запутанными изоляционными и электрическими проводами, узорчато рассекающими послеполуденное небо, миновали тоннель Томиока, вскоре справа от них у подножия горы потянулись рельсы экспресса «Кэйхин», а слева раскинулось светлое поле, нарезанное на участки.

— Почти пришли. Осталось подняться по дороге вдоль вон тех участков. Раньше здесь были лагеря американской армии. — В голосе мальчишки незаметно зазвучали повелительные нотки, он пошел вперед.

Участки на склоне были размечены и разграничены каменными оградами, вдоль них пролегла дорога, кое-где возводились дома. В окружении шестерых мальчишек Рюдзи поднимался по горной дороге вдоль участков.

У самой вершины холма тропа внезапно исчезла, потерявшись на лугу. Просто фокус какой-то — кажущаяся снизу такой ровной дорога и правильные квадраты участков вдруг резко пропали в поросшей высокой травой ухабистой почве.

Вокруг было на удивление безлюдно. Только с вершины холма доносилось рычание бульдозера.

От тоннеля Томиока далеко внизу поднимался обычный автомобильный гул. Наполняемое лишь отголосками механических звуков, безлюдное пространство казалось еще более заброшенным.

Повсюду на пожухлом лугу торчали полусгнившие сваи.

Ребята пересекли луг. Усеянная палыми листьями тропинка взбиралась к гребню холма. Справа торчал поросший травой ржавый танк, обнесенный проволочным ограждением, на покосившемся жестяном листе с проржавевшими гвоздями виднелась надпись по-английски. Рюдзи остановился прочесть объявление: «Военный объект Армии Соединенных Штатов. Несанкционированный проход запрещен и карается по закону».

— А что значит «несанкционированный проход»? — спросил мальчишка-лидер.

Рюдзи он почему-то не нравился. Блеск в его глазах подсказывал, что парень явно знает ответ, но зачем-то все равно спрашивает. Однако Рюдзи, нацепив на себя добродушное выражение, ответил:

— Это значит «не разрешенный».

— Да? Теперь это уже не территория американской базы, так что можно делать все, что угодно. Эй! — воскликнул он и, кажется, моментально позабыл о том, к чему еще мгновение назад питал интерес, словно отпустил в небо воздушный шарик. — Вот мы и на вершине.

Там, где тропинка заканчивалась, открывался неожиданный вид.

— Ого! Да вы прекрасное место нашли.

Перед ними раскинулось море Тохоку³⁹. Внизу с левой стороны по громадному красноземному склону обрыва ползали бульдозеры, возил землю самосвал. Кажущийся отсюда совсем крошечным, он тем не менее беспрестанно сотрясал окрестности гулом. Еще дальше внизу виднелись залитые солнцем правильные серые крыши заводских корпусов, полигона и авиакомпаний и маленькая сосна в центре объездного круга в бетонированном дворе перед офисным зданием.

Рядом высились дома заводских пригородных кварталов. Тусклые солнечные лучи, играя причудливыми полутонами, сгладили неровную линию крыш, выправили тени коньков заводских кровель. Время от времени в дымчатом пейзаже, словно перламутровые ракушки, вспыхивали стекла проходящих автомобилей.

По мере приближения к морю перспектива сжималась, усиливая атмосферу печального запустения. Среди брошенной на берегу ржавой техники медленно поднимал стрелу грузовой кран. Сразу за ним начиналось море, волнорезы слепили белизной, зеленое землечерпальное судно после каждого рывка останавливалось, исторгая черный дым.

Рюдзи показалось, что он целую вечность не видел моря. Из спальни море видно всегда, но Рюдзи теперь даже не приближался к окну. Вдали над открытым морем плавали жемчужные облака, и там, где они отражались в водной глади, вода принимала морозный белый оттенок. Остальное небо было безоблачным. Сейчас, в три пополудни, ближе к берегу оно имело блеклый и застиранный неудачный голубой цвет.

От грязных скал к океану простирался участок мутной воды цвета жженой охры, то насыщенной, то бледной и оттого похожей на гигантскую сеть. У скал судов было не много. В море двигались несколько сухогрузов. Даже отсюда видно, что все они были мелкими и старыми, не больше трех тысяч тонн.

— Я ходил не на такой малявке, — сказал Рюдзи.

— Десять тысяч тонн, да? — откликнулся Нобору, ставший вдруг немногословным.

— Идите сюда. — Мальчишка-лидер потянул Рюдзи за рукав бушлата.

Они еще немного спустилась по усыпанной сухими листьями тропинке. Здесь, словно единственная, чудом уцелевшая черта иероглифа, посреди окружающей разрухи сохранилось в первозданном виде старое дерево.

С запада на них глядела поросшая деревьями макушка горы, сложная цепь из нескольких склонов с островком голых деревьев заслоняла ее от восточного морского ветра. Внизу виднелось запущенное зимнее поле. Куст у тропинки обвивала сухая лиана со скукожившимися алыми трихозантами⁴⁰.

Проникающий с запада солнечный свет, встречая преграду, тускло поблескивал на кончиках листьев увядших побегов бамбука.

В детстве Рюдзи все это тоже было, и он лишний раз подивился особому дару

³⁹ Тохоку — название региона Восточной Японии на о. Хонсю.

⁴⁰ Трихозант (змеиный огурец) — род травянистых лиан семейства тыквенных, произрастающих в тропическом и субтропическом климате.

подростков находить такие вот необычные потайные места.

— Кто нашел это место?

— Я. Я живу в Сугита. Езжу отсюда в школу. Я нашел и всем показал, — ответил мальчишка, с которым Рюдзи пока не перемолвился ни словом.

— А где сухой док?

— Здесь.

Мальчишка-лидер с улыбкой указал на узкую пещеру в тени небольшого обрыва у самой вершины. Рюдзи отметил, что улыбка у него опасная, словно хрупкая стеклянная вещь. Он не мог объяснить, откуда возникло такое ощущение. Мальчишка отвел от Рюдзи свой пронирыливый, ускользающий, словно рыбка, взгляд в обрамлении длинных ресниц и продолжил рассказ:

— Это наш сухой док. Горный сухой док. Здесь мы ремонтируем сломанные суда, разбираем и заново перестраиваем.

— Хм. Трудно затащить судно в такое место.

— Легко. Очень просто. — И снова улыбка.

Все семеро уселись на площадке перед пещерой, кое-где вокруг пробивалась еле заметная зелень. В тени было ужасно холодно. Слабый ветерок словно колот кожу. Рюдзи надел бушлат, скрестил по-турецки ноги. Едва он устроился, как в мозг с удвоенной силой ворвался рев бульдозера и самосвала.

— Кто-нибудь из вас бывал на большом судне? — спросил Рюдзи нарочито жизнерадостным тоном.

Мальчишки переглянулись и не ответили.

— Морские истории начинаются с морской болезни, — снова обратился Рюдзи к безмолвной аудитории, — большинство новоиспеченных моряков от нее страдают. Кое-кто даже завязывает с морем после первого рейса. Чем больше судно, тем чаще бортовая качка сочетается с килевой, да еще особый судовой запах краски, масла и стряпни.

Видя, что рассказ о морской болезни не встречает интереса, и не зная, что еще сказать, Рюдзи запел.

— Знаете такую песню?

Гудок прозвучал, обрублен канат,
С причалом прощается судно,
И глядя, как город тает вдали,
Бывалый моряк украдкой смахнет слезу.

Мальчишки захихикали, толкая друг друга локтями. Не зная, куда деваться от стыда, Нобору вскочил, сорвал с головы Рюдзи фуражку и стал играть с ней, повернувшись к рассказчику спиной.

В центре крупной, похожей на лилию кокарды блестел якорь, обвитый цепями из тонкой золотой нити, в обе стороны от него простирались вышитые золотом массивные лавровые ветви. По нижнему и верхнему краю причальными тросами вились золотые шнуры. В черном козырьке печально поблескивало послеполуденное небо.

А когда-то эта фуражка удалялась по морю, сверкая в закатных летних лучах! Как знак расставания, как факел, гордо освещающий вечность, что удаляясь, помогает скинуть с плеч усталого путника тяжесть земного существования.

— Первый мой рейс был в Гонконг...

Кажется, эти слова наконец привлекли их внимание.

Он говорил о сложном опыте первого рейса, о своих промахах, растерянности и тревогах. Рассказывал истории, что случались с ним по всему миру. О том, как на стоянке в Суэце на входе в Суэцкий канал у них увели из-под носа толстый швартовый трос. А в

Александрии охранник, понимавший по-японски, договорился с морскими корабейниками, и они прямо в открытом море, с борта на борт, продали морякам всякую чепуху (какую именно, Рюдзи не стал уточнять из педагогических соображений). О том, как в австралийском Ньюкасле они погрузили каменный уголь ради пустякового рейса в Сидней длиной в одну вахту, а потом еле отчистили трюм. О том, что моряки трамповых сухогрузов, которые чаще всего перевозят уголь-сырец и подобные грузы, встречая на Южном пути великолепные суда «Юнайтед фрут»⁴¹, издали вдыхают плывущий над волнами аромат набитых в трюмы южных фруктов...

Не прерывая рассказа, Рюдзи заметил, что один мальчишка успел снять кожаные перчатки и теперь со скрипом натягивает резиновые перчатки до локтя. По несколько раз перекрещивает пальцы, стараясь получше натянуть холодную резину.

Рюдзи не стал акцентировать внимания. Подумаешь, ничего не значащая эксцентричная выходка заскучавшего на лекции умника.

Рюдзи было не до него — чем дольше он говорил, тем сильнее на волнах собственных воспоминаний оборачивался к морю, кающемуся отсюда полоской выпаренной синевы.

Вон там, за горизонтом, исчезает небольшой сухогруз, выстилая след черным дымом. Рюдзи думал о том, что и он сейчас мог быть там.

Беседуя с мальчишками, он постепенно узнавал себя, каким он виделся Нобору. Понемногу прозревал, постигая значение для мальчика того, кем он был прежде, когда еще ходил вторым помощником на корабле.

Темная страсть морского течения, рев надвигающегося с океана цунами, грохот растущих выше и выше и затем разбивающихся волн... Неведомая слава, вечно звавшая его из темных морских глубин, соединившись со смертью и с женщиной, должна была стать его судьбой. Двадцатилетний, он упрямо верил в то, что посреди мировой тьмы приготовлен одинокий маяк, единственное назначение которого — осветить его.

В фантазиях слава, смерть и женщина всегда представлялись ему триединой сущностью. Между тем стоило заполучить женщину, как оставшиеся две ипостаси удалились в море и печальный зов перестал выкликать его имя. Только сейчас Рюдзи почувствовал, что все, отвергнутое им, теперь, в свою очередь, отвергает его.

Пускай до сих пор полыхающий огнями мир и не принадлежал ему, но он чувствовал, как под милыми сердцу тропическими пальмами солнце заливает плечи, покусывая их острыми лучами. Теперь осталась только зола. Начиналась мирная жизнь без качки.

Он отвергнут опасной смертью. А славой и подавно. Хмельное буйство эмоций. Пронзающая душу печаль. Расставание. Женские слезы. Вечно терзающая темная жажда приключений. Мощная сила, загнавшая его на самый край земли... Всеу этому конец.

— Не выпьете чаю? — раздался за спиной звонкий голос мальчишки-лидера.

— Ага, — не оборачиваясь, ответил Рюдзи, погруженный в свои мысли.

В памяти всплывали берега островов, где он побывал. Французский остров Макатеа на юге Тихого океана. Новая Каледония. Острова около Малайи. Страны Вест-Индии.

В них клокотала обжигающая тоска, угрюмо дожидались добычи грифы, взлетали с веток попугаи, и повсюду росли пальмы! Королевские, финиковые. Из сияющих морских глубин надвигалась смерть, увеличиваясь, словно грозовая туча. Он восторженно грезил о безвозвратно упущенной торжественной смерти героя на глазах десятков тысяч людей. Если жизнь предназначена для этой блистательной смерти, неудивительно, что без нее она теряет смысл.

Теплое, как кровь, морское течение среди атоллов. Льющееся, словно звук горна, тропическое солнце. Разноцветное море. Акулы...

— Чай.

⁴¹ United Fruit Company — в прошлом главная корпорация США по экспорту тропических фруктов из стран третьего мира, в 1984 г. преобразована в Chiquita Brands International.

Стоявший позади Нобору протянул Рюдзи коричневый пластиковый стакан. Тот лениво его принял. Отметил, что руки у Нобору немного дрожат, наверно от холода.

Все еще погруженный в свои фантазии, Рюдзи небрежно выпил одним глотком еле теплый чай. Уже потом он показался ему ужасно горьким. Всякий знает, как горька слава на вкус.